

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**ПОДВАЛ
С СЕКРЕТОМ**

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Подвал с секретом
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50777408

Подвал с секретом / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-109218-4

Аннотация

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Полковник МВД Лев Гуров расследует дело о пропаже человека. Это не первый случай: в том же районе при схожих обстоятельствах исчезли уже двое мужчин. Неужели действует серийный маньяк? Гурову удастся установить водителя, который, по словам свидетелей, подвозил одного из пропавших. Сыщик спешит встретиться с подозреваемым, но дома его не застает. Зато в подполье, в потаенной комнате, случайно находит кучу изуродованных тел. Гурову кажется, что разгадка трагедии близка. Именно в этот момент он оказывается на волосок от гибели...

Содержание

Подвал с секретом	5
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	51
Глава 4	73
Глава 5	95
Глава 6	115
Конец ознакомительного фрагмента.	127

**Николай Иванович
Леонов, Алексей
Викторович Макеев
Подвал с секретом
(Сборник)**

© Макеев А. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Подвал с секретом

(повесть)

Глава 1

Если бы Нину Фадееву попросили: назовите самый ужасный поступок, который вы совершили в жизни, она бы ни секунды не сомневалась в ответе. Назвала бы год, месяц и число того злополучного дня, когда мерзкий бес подбил ее на пакость. Да что день? Она с легкостью сообщила бы время, вплоть до секунды. Шестое августа, девятнадцать часов, двенадцать минут, шесть с половиной секунд. С этого момента затикал будильник, отмеряющий кому-то жизнь, а кому-то... Нет, это слово произнести-то страшно!

Почему? Ну почему мы крепки задним умом? Отчего так несдержанны? К чему все это упрямство, баранье бодание на мосту, перетряхивание грязного белья и перечисление чужих ошибок? Разумеется, ей, Нине Илларионовне, дипломированному экономисту тридцати семи лет от роду, человеку, далекому от сантиментов, вспышек ярости и вообще каких бы то ни было эмоций, ясно, как божий день: разборки, поиски правды и справедливости в отношениях между мужчиной и женщиной только усугубляют положение. Тот, кто

утверждает обратное – либо лицемер, в поисках тотального одобрения готовый поступиться любыми принципами, либо полнейший кретин. И никак иначе, как говаривала начальница Нины.

Сама по себе ситуация, о которой Фадеева вспоминала теперь с содроганием, не стоила выеденного яйца. Если бы не последствия. Но так уж вышло, что некрасивая сцена размолвки закончилась исчезновением одного из ее участников, и это все изменило. Слова, брошенные в пылу ссоры две недели назад, горели теперь клеймом на языке, а рука, вышвырнувшая спортивную сумку с вещами на лестничную клетку, мечтала о том, чтобы ей отсохнуть.

С Паней, как в шутку называла Нина своего жениха, Паранина Николая, они познакомились больше трех лет назад. Оба не первой свежести, о чем любила напоминать Нине все та же начальница, оба с негативным опытом за плечами и кучей эксклюзивных тараканов в голове, они вдруг словно приросли друг к другу. Так вот раз – и через три месяца они уже съехались.

Территорию для проживания выделила Нина. Ютиться в хибарке, гордо именуемой Николаем «загородной недвижимостью», экономист Нина, коренная горожанка, не пожелала. А Николай оказался непритязательным. Город – значит, город. И все-то у них пошло гладко, и все-то хорошо, если бы не одно «но»: сухой черствый экономист вдруг оказалась жутко ревнивой натурой. Она ревновала Николая двадцать

четыре часа в сутки. Надо отдать должное, большую часть времени ей удавалось держать эмоции в узде, но иногда, как, например, шестого августа, плотину прорывало, снося все преграды, и Николай окунался в резервуар с каловыми массами. Аллегорически, разумеется.

Перед Ниной Паранин никогда не извинялся. От нее, впрочем, извинений тоже не требовал. Сколько бы ни бузила Нина, сколько бы ни бунтовала, все равно к нормальному состоянию придет. Надо просто переждать грозу, и будет тебе счастье. Но на этот раз Нина зашла слишком далеко. И Николай всерьез обиделся, впервые за три года. Вспылил, выдал что-то оскорбительное и шагнул через порог.

Нина дулась минут десять, потом до нее стал доходить абсурд ситуации. Зачем, ну зачем она унизила хорошего человека? Для чего усложнила и его, и свою жизнь? Смысла в разладе нет. Все равно через пару дней все вернется на круги своя. А что, если нет? Что, если на этот раз чаша терпения переполнилась? Ведь даже Паня, с его безграничным терпением, может не выдержать давления. У каждого терпения есть свой предел. Нет, такой вариант Нину не устраивал. Надо действовать, причем действовать быстро. Нужно вернуть Паню, а вместе с ним мир и душевный покой.

Где искать Николая, догадаться нетрудно. Его «загородная недвижимость» в виде дачного дома, приспособленного под круглогодичное проживание, – единственная альтернатива городской квартире Нины. Адрес ей известен, способ,

которым Паня обычно добирается до дачного поселка возле деревни Локотня, не менялся за три года ни разу. От станции метро Тушинская он не ездит никогда, предпочитает прогуляться до Мякинино и сесть возле МКАД. Там автобус останавливается регулярно, а промежуточная станция позволяет избежать суеты и толкотни. Что поделаться, если Паня жутко не любит толпу?

Дело за малым: бери такси и гони. Точного расписания рейсового автобуса Нина вспомнить не смогла, а тратить время на его поиски побоялась. Приехать на станцию и помахать уходящему автобусу платочком? Слишком киношно.

Таксист принял заказ, но, учтя спешку пассажирки, зарядил плату, в три раза превышающую реальную. Нина не торговалась, скользнула на переднее сиденье и махнула рукой в знак готовности выдать означенную сумму. Прибыв на станцию, наскоро расплатилась и сразу побежала к кассам. Пани видно не было. Она отыскивала взглядом табло с расписанием пригородных автобусных рейсов, сверилась с часами. По ее подсчетам получалось, что до ее приезда Паня уехать не мог, просто не было подходящего рейса. Согласно расписанию, его автобус отходил через десять минут.

«Едва успела. Господи, только бы он был здесь! – мысленно взмолилась Нина. – Все, больше никогда! Никогда не позволю эмоциям взять верх». Повторяя слова, как мантру, она побежала к площадке с номером «шесть», где проходила посадка на автобус, следующий на Тучково. Еще не добе-

жав, Нина поняла, что Пани в числе пассажиров нет. Высокий рост, под метр девяносто, красивая, с серебряным оттенком шевелюра и своеобразная манера одеваться всегда выделяли Паню из толпы. Из любой толпы.

«Ну, где же ты, где? – Нина остановилась и усердно водила головой из стороны в сторону, методично изучая панораму. – Не может быть, чтобы я ошиблась. Тебе просто больше некуда податься». И тут она его увидела. Вдруг. Резко. Неожиданно... А ведь искала же, искала...

Увидела и застыла. И снова омерзительно липкая ревность поползла к сердцу, попутно проникая в кровь, пока не добралась до мозга или что там от него осталось. Обещания, которые твердила минуту назад, были забыты. Единственное, о чем могла думать Нина, – он садится в незнакомую машину. Кто за рулем? Женщина? Его женщина или он подцепил себе первую встречную? Красива ли она? Молода ли? «Да что же это за напасть! Просто болезнь какая-то!» Нине удалось прервать ход негативных эмоций, и в дело тут же вступил рационализм: Паня сам машину не водит и друзей с авто не имеет, с частниками не связывается, платным попутчиком не напрашивается и вообще привычки свои вдруг не меняет.

Тогда почему она видит то, что видит? Вот он, серебристый автомобиль, не новый и не старый, в меру пыльный, в меру ухоженный. Распахнул свое чрево, собираясь поглотить Паню. Именно поглотить. Забрать насовсем, увезти далеко,

чтобы обратно дороги не нашел. Почему так тревожно? Отчего сердце щемит? И ног от земли не оторвать, и язык к небу прилип. Ни окликнуть, ни подбежать.

И все же она крикнула. В самый последний момент, может, поэтому он и не услышал. «Паня, Паня!» – кричала Нина. Страх отпустил, гортань заработала, следом за ней зашуршали и конечности. Нина бежала к автомобилю жалких тридцать секунд, после чего бежать уже смысла не было. Серебристый седан тронулся, подняв клубы дыма из-под колес. Она еще пару раз махнула рукой в надежде, что жест ее увидят и отреагируют. Но нет. Не отреагировали.

Сцена расставания так и не состоялась, Нина развернулась и побрела обратно в город. Чувствовала она себя опустошенной и возбужденной одновременно. Почему-то теперь, когда незнакомый автомобиль исчез из поля зрения, тревожное предчувствие ушло. На его место пришло что-то сродни облегчению. Вот он, долгожданный час, когда можно расслабиться. Приятно после трех лет напряжения, постоянно-го самоконтроля и тревоги вдруг оказаться снова предоставленной самой себе. Больше не нужно «держаться марку», стараясь выглядеть как королева. Не нужно подниматься ни свет ни заря, чтобы успеть до его подъема нажарить эти проклятые пончики. Все время с разной начинкой, не забывай, с разной! Не нужно ловить его взгляд, опасаясь, что в нем вновь появятся растерянность и безысходность, пугающие до тошноты.

А что можно? Да все! Можно лежать на диване, задрать вверх ноги, и смотреть бесконечный сериал про любовные треугольники медицинских работников. И как это они умудряются успевать лечить людей в промежутках между сексом? Можно затариться пивом, врубить музыку (только в наушниках, разумеется) и балдеть под Земфиру или одиозного Лепса. А можно скачать философскую канитель Кафки, обложиться пирожными и шоколадом и читать от заката до рассвета. А потом спать от рассвета до заката. И никому никакого дела не будет, насколько твои привычки не соответствуют твоему статусу. Какие есть, те и твои.

Вернувшись домой, ничем подобным заниматься Нина не стала. Выпила рюмку коньяка, скорее для проформы, чем для успокоения нервной системы, и завалилась спать. Наутро первым делом проверила сообщения: во всех мессенджерах было пусто. Посмотрела запись звонков – ни одного пропущенного. Загрузила операционку на ноутбуке, вошла в почту – и там ничего. «Что теперь? – подумала она, откинувшись на спинку кресла, мысли, одна противнее другой, закопошились в голове, точно вши в давно не мытой шевелюре бродяги. – Написать самой?» Нет, это не в ее правилах. Показывать мужику свою привязанность противопоказано. Им только дай слабинку – тут же на шею сядут.

«Ну и пусть! Пусть садится, пусть хоть ножки свесит и погоняет, только бы вернулся». Мерзкий страх путал мысли, мешал сосредоточиться и объективно оценить ситуацию.

Минут десять Нина сидела над раскрытым ноутбуком, но так ничего и не написала. В конце концов хлопнула крышкой и начала собираться на работу. Любовь любовью, а трудовые обязанности выполнять надо.

Три дня она не находила себе места, три дня не выпускала из рук телефон в надежде, что Паня позвонит или хоть как-то обозначится. Не обозначился. В конце третьего дня Нина, наплевав на принципы, набрала его номер. Послушала приятный голос автоинформатора, сообщивший о том, что телефон абонента выключен, и сбросила звонок. В памяти тут же всплыл незнакомый автомобиль, в который три дня назад сел Паня, и сердце защемила тоска.

«Знать бы, почему он молчит? Если все еще дуетя, не страшно. А если с ним что-то случилось?» Вопрос, произнесенный мысленно, вдруг обрел физические формы. Буквы красной строкой высветились на белоснежной стене спальни, похоже, убираться оттуда не собирались. Напротив, они росли в размере до тех пор, пока не заняли всю стену, после чего начали расплываться, изменять форму, превращаясь в живые динамические картины.

Страшные истории Нина никогда не любила, криминальные новости не смаковала и вообще предпочитала игнорировать все, что касалось насильственной смерти. А тут эти картинки – одна страшнее другой, и такие натуральные, такие пугающие... «Прекрати немедленно, слышишь, Фадеева, прекрати!» Но приказ прозвучал вяло и неубедительно,

соответственно, и пользы не принес. Уверенность, что ужасные вещи могут происходить с кем угодно, только не с ней, та уверенность, что сопровождала Нину три десятка лет, растаяла, словно дым, унесенный порывом ветра.

– Паника тебе не поможет. То, что произошло, уже произошло, и повлиять ты на это никак не можешь. Значит, сосредоточься и подумай, что делать дальше, – теперь уже вслух проговорила она.

Нужно поехать к Пани. Самой, без предупреждения. И будь что будет! Нина бросила взгляд на часы: двадцать два сорок пять. Поздновато, но откладывать поездку до утра – только лишний раз нервы трепать. Таксистам без разницы, в ночь работать или в день. Отчета от нее никто не потребует, с чего она решила ехать на дачу на ночь глядя – не их собака дело. Кто платит, тот и музыку заказывает.

Нина набрала номер вызова такси, выдала девушке-оператору начальный и конечный адрес следования, дала согласие на ожидание, после чего, сжав в руке телефон, застыла в кресле. Через десять минут пришло сообщение: белый «Рено Логан» ожидал ее у подъезда. Схватив сумку, она выскочила из квартиры и быстро сбежала по лестнице. Таксист, пожилой мужчина с добродушной улыбкой на лице, попытался завязать разговор, но быстро понял, что к беседе пассажирка не расположена, и заткнулся. Так всю дорогу молча и проехали.

Остановив машину у дачного дома Пани, таксист снова

заговорил:

– Что-то темно в окнах, может, нет никого? Или к себе приехали?

– Неважно. – Нина расплатилась наличными, отсчитав приличную сумму чаевых. – Все в порядке, вы можете ехать.

– Подожду, пожалуй. Мне не трудно. – Таксист не поленился, вышел из машины, открыл перед Ниной дверь. – Все равно обратно порож няком ехать. Пара лишних минут погоды не сде лают.

– В этом нет необходимости, – более резко, чем соби- ралась, оборвала его Нина. Почему-то ей не хотелось, чтобы таксист стал свидетелем сцены. Какой сцены? Она и сама не знала, просто сам факт, что незнакомый человек наблюдает за ее позором, был ей неприятен. Она уже жалела о своем порыве. Зачем она сюда приехала? Что ее ждет? Чего она сама ждет?

– Иди, дочка, – подбодрил таксист. Ласково так, по-оте- чески. – И не волнуйся, я подожду. Если что, шумнешь.

На этот раз Нина возражать не стала. Глядя на холодные темные окна дома, ей вдруг стало как-то зябко. Она хорошо помнила, что Паня всегда оставляет на ночь свет над крыль- цом. И в саду фонарь включает. Сейчас же дом стоял в аб- солютной темноте, и это пугало. До калитки еле доползла, ноги отказывались слушаться. Еще не дошла, а уже поняла – с Паней случилась беда. Не от обиды он молчит, не из- за нанесенного оскорбления не дает о себе знать. В этом ее

убедил массивный замок, уродливым монстром свисавший с проушин калитки. Это могло означать только одно – на даче Пани нет, а может, и вообще не было.

Собираясь впопыхах, Нина не подумала о том, чтобы взять с собой запасные ключи. Минуту стояла, пялясь на замок, потом вспомнила: северная сторона участка не граничит с соседними, а проходит по проулку и выходит в поле. Там, на самой границе с восточной стеной забора, есть лаз. Паня не заделывал его принципиально, цепляясь за детские воспоминания, когда мальцом бегал от матери в лес. Мать строго-настрого запрещала ему одному по лесу шататься, а он от этого получал какое-то свое, странное удовольствие. Сейчас уже не бегал, но лаз так и остался на месте.

Нина прошла до угла, свернула в проулок, добралась до лаза и в нерешительности остановилась. Деревянные штакетины выглядели все одинаково. Если не знать про лаз – ни за что не догадаешься о его существовании. Но что, если в доме все же кто-то есть? Не Паня. Кто-то чужой, тот, кто знает про лаз и про запасной ключ в чулане? Может, не стоит туда идти? Может, лучше вернуться в город, дожидаться возвращения Пани? Ведь не может же он просто так уйти? В конце концов, в квартире остались его вещи. То, что она ему в сумку спортивную покидала, так – мелочи. Он ведь даже ноутбук не забрал, а там у него рабочие материалы, без которых никак не обойтись. Пусть сейчас он в отпуске, может себе позволить не думать о бумагах. А когда отдых к концу

подойдет? Все равно придется встретиться.

– Решила с задов зайти?

Звук голоса таксиста напугал Нину до чертиков. Она не слышала его шагов, полностью погрузившись в свои мысли. Подскочила, как ужаленная, оглянулась и не сразу сообразила, что происходит. Когда же дошло, что это всего-навсего сердобольный таксист, затопило облегчение и чувство благодарности к этому совершенно чужому, по сути, человеку.

– На калитке замок, – объяснила она.

– И ты решила пойти обходным путем. Для чего? Ведь ясно – никого в доме нет.

– Хочу убедиться.

– Ладно, пошли. Ох уж мне эти женщины, – сокрушенно качнул головой таксист, пощупал пару штaketин, пока не нашел ту, что не закреплена, отвел ее в сторону и первым полез в образовавшийся проем. – Надеюсь на то, что находиться здесь ты все же имеешь право.

Нина не ответила. Благодарно улыбнулась и нырнула следом за таксистом. В саду осмотрелась. Все как обычно, никаких изменений. Только непривычно темно. Одна она здесь никогда не бывала, и при полной темноте видеть сад ей не приходилось. Таксист уже шагал к крыльцу, и Нина поспешила его догнать. Громко стуча каблуками ботинок, он поднялся на крыльцо, а она осталась внизу.

– Говорил же, нет никого. Видишь? И здесь тоже замок, – для наглядности подергал таксист замок и даже постучал им

о металл двери. – Кого найти хотела?

– Жениха.

– Сбежал?

– Похоже на то.

– Ничего, погуляет и вернется. Мужики – они народ примитивный и к переменам не расположенный. Взбрыкнуть, погудеть пару-тройку дней – это запросто. А на третий день все равно в привычную колею потянет. Вернется, никуда не денется.

– Хорошо, если так, – вздохнула Нина. Протяжный вздох повис в воздухе, нагоняя тоску.

– Не горюй, дева, все образуется, – улыбнулся таксист, спускаясь с крыльца. – Поехали домой, что ли?

– Нет, я останусь, – объявила Нина. – Утром по соседям пройду, хоть узнаю, был ли он здесь вообще.

– Оно тебе надо? Не серчай, дочка, но лучше бы тебе переждать. Негоже это – за мужиком бегать.

– Сама знаю, что негоже. Только на душе неспокойно. – Нина снова вздохнула. – Его уже три дня нет. Дома нет. Думала, он здесь, да сами видите, ошиблась. Пойти ему больше некуда.

– Ну, как знаешь. Совет ведь не приказ, к выполнению не обязателен, – озабоченно покачал головой таксист. – Ключи-то есть?

– В сарае, в чуланчике.

– Пойдем, достанем.

Вместе дошли до сарая, отыскивали ключ, вернулись на крыльцо. Нина отперла дверь, вошла внутрь. Таксист вошел следом, дождался, пока она зажгла свет в прихожей, кухне и гостиной на первом этаже, после чего молча вышел. Провожать его Нина не пошла. Обошла все комнаты, но следов пребывания Пани нигде не заметила. Последний раз они были здесь пару недель назад. Перед отъездом она навела порядок, и этот порядок сохранился нетронутым. Аккуратностью Паня не отличался. За три года Нина не помнила случая, чтобы он хоть одну вещь на место положил, а тут все осталось так, как сложила она.

Вывод напрашивался сам собой: до дачи Паня не доехал. Тогда где он? Кто сидел за рулем той машины? Куда увез Паню? И снова вязкий страх охватил ее. К ревности он уже не имел никакого отношения, теперь это был страх за жизнь любимого человека. Через пару минут к нему прибавились угрызения совести. Вот ведь паршивка! Совсем со своей ревностью сбрендила, три дня любимого нет, а она и ухом не ведет. Надо было сразу тревогу бить, полицию на уши поднимать, а не высиживать, упиваясь обидой.

До утра Нина просидела на кровати в спальне второго этажа. Она слышала, как завел двигатель таксист, как отъехала машина. Слышала, как яростно лаял соседский пес, потревоженный шумом двигателя. Как недовольно ворчал сосед, во всеуслышание проклиная полуночников, которым нечем больше заняться, как только соседей по ночам будоражить.

Слышала, как тикал допотопный будильник на прикроватной тумбочке, отмеряя секунды, но сдвинуться с места заставить себя так и не смогла. Как не смогла отогнать и страшные картины, вереницей пронесшиеся в растревоженной запоздалым беспокойством голове.

В восемь утра пошла по соседям. Как и предполагала, никто Николая не видел с тех самых пор, как они две недели назад, закрыв калитку на замок, отчалили в город. Серый автомобиль тоже не заметили. Ни у дачи, ни в окрестностях. Место здесь было не особо популярное, чужаков немного, так что в словах соседней Нина не сомневалась. Вернулась в дом, закрыла дверь на замок и отправилась на автостанцию. Доехав до города, позвонила на работу и сообщила о том, что берет отгул. Ворчание начальника просто проигнорировала. Сказала, у меня форс-мажор, и сбросила вызов. После этого пару минут просидела в задумчивости, потом снова достала телефон и сделала то, что должна была сделать еще три дня назад.

Она позвонила в полицию, но не в дежурную часть, а своему давнему знакомому, Валере Жаворонкову. Он служил на Петровке, в информационном отделе при Московском уголовном розыске. Кому звонить, если не ему? Надеяться на оперативность доблестной полиции лучше, когда уверен, что свой человек станет их подгонять, так считают многие россияне, и Нина в этом вопросе исключением не являлась.

Спустя две недели после звонка Жаворонкову Нина сиде-

ла на скамейке парка на Страстном бульваре, возле памятника Владимиру Высоцкому, и ждала возвращения Валерки. Час назад они встретились здесь для того, чтобы обсудить план дальнейших действий. По сути, обсуждать им было нечего. Заявление о пропаже Николая Паранина, тридцатидевятилетнего страхового агента, у них приняли сразу. Погоны Жаворонкова сделали свое дело, отфутболить Нину не посмели. Но это было практически единственное их совместное достижение. Регистрация заявления прошла быстро, показания с Нины снимал опытный сотрудник, так сказал ей Валера, но результатов и по сей день от этих действий не было никаких.

К моменту сегодняшней встречи Нина дошла до отчаяния. Она цеплялась за рукав форменной рубашки своего друга и, размазывая по щекам слезы, твердила одно и то же, как заведенная:

– Валера, помоги! Помоги, Валера!

Валерка сперва растерялся, начал неловко гладить Нину по волосам, в надежде, что истерика пройдет. Но это простое действие только усугубило ситуацию. Нина вконец разнюнилась, и остановить слезы ей оказалось уже не под силу. Валерке пришлось бежать в магазин, покупать коньяк и воду без газа, вливать все это в рот подружки и уговаривать проглотить мерзкую жижу. Коньяк все же подействовал. Нина прекратила цепляться за руку друга и даже нашла в себе силы отыскать в сумочке платок. Сморкаясь и растирая по щекам

косметику, она принялась извиняться, чем вконец смутила Жаворонкова. Ему было непривычно видеть Железную Леди Фадееву в таком раздрае. Он просто не знал, что с ней делать. А уж слова извинения из ее уст, в понятии Валерки, звучали совсем дико.

Вот тогда он и предложил то, что предложил. Сам от себя не ожидал, так как с самого начала дал себе зарок – впутывать в поиски Нининого жениха полковника Гурова он не станет ни под каким предлогом. У того и без Нининых заморочек дел по горло, да и просителей выше крыши. Ему ли, капитану Жаворонкову, не знать? Но когда подруга в таком состоянии, что еще можно придумать, чтобы дать ей хоть какую-то надежду? Вот он и выдал фразу, после которой назад пути уже не было.

– Слушай, есть еще один вариант. Ребятам по месту жительства продвинуться в поисках Паранина не удалось и теперь уже вряд ли удастся, – начал он. – Но ведь на них свет клином не сошелся.

– Вот спасибо, утешил, – снова всхлипнула Нина, и Валера поспешил продолжить:

– Только не начинай, Нинок! Говорю же, есть еще один вариант. Ты что, не слушаешь меня совсем?

– Какой вариант, Валера? Нет у нас никаких вариантов, – безнадежно махнула она рукой. – Пропал мой Паня, и это без вариантов. Увез его тот автомобиль, а куда, мы никогда не узнаем.

– Не паникуй раньше времени. И руки не опускай. Знаешь, через сколько лет иногда люди находятся? И через десять, и через двадцать лет. Я на такое насмотрелся. Его уж похоронили, памятник поставили. Могила травой по пояс заросла, а он вдруг возьми да и объявись, живой и невредимый.

– Валера, ты бы лучше помолчал. Просто помолчал, и все, – устало проговорила Нина.

– Да почему помолчал? Я ведь дело говорю. Всякое в жизни бывает. Может, твой Паня память потерял. Или в реанимацию попал, лежит в палате неопознанным. Пока в сознание не придет, ты о нем и не узнаешь. А потом оклемается, сам тебя найдет...

– Что за вариант? – перебила она Валеру. Слушать о том, как Паня в критическом состоянии лежит на больничной койке, она не желала.

– К Гурову пойдем, – выпалил Валерка. – Он мужик дельный, наверняка что-нибудь придумает.

– Отфутболит он тебя. Не его дело, скажет, пропавшими заниматься. – Кто такой полковник Гуров, Нина знала и о его вечной занятости осведомлена была.

– Не отфутболит, – покачал головой Валерка и добавил без прежней уверенности: – Не должен.

Он вспомнил, что не так давно генерал Орлов отчитал Гурова за сердобольность, заявив, что благотворительные акции в отношении просителей со стороны он рассматривает

как профессиональную слабость полковника. Ох, Гуров тогда разобиделся! Парнишку, который за отца просить пришел, чуть не бортанул. Вернее, отправил уже восвояси, да натура не позволила, вернул. Вернул и помог. Громкое тогда дело вышло, а Гуров довольный ходил и даже генералу высказал, что работа, мол, его в том и заключается, чтобы людям помогать.

– Что притих? Дошло, что Гуров твой не волшебник и не все в этом мире ему подвластно? – грустно пошутила Нина.

– Все не все, а кое-что точно. Сделаем так: ты посидишь здесь, незачем толпой к Гурову вваливаться, а я пойду переговорю с ним. Получу добро, вернусь за тобой.

– А если не получишь?

– Получу. Мы с ним сколько лет в одной упряжке, неужели откажет? – Валера будто сам себя убеждал. – В крайнем случае напомню, сколько раз я его поручения вне работы выполнял. Но это в самом крайнем... Ладно, жди, Нинок. И не кисни, найдем мы твоего Паню. Живого... – Он осекся, поняв, что только что чуть в лужу не сел. Но Нина все поняла и печально закончила:

– Или мертвого. Да, Валера, теперь уже речь идет именно о таком раскладе. Что ж, сама виновата, нечего было из дома выгонять. – Она снова начала хлопать носом, и Жаворонков поспешил убраться из парка.

– Я постараюсь вернуться побыстрее, – бросил он на ходу. Нина осталась одна и с трудом подавила нахлынувшие в

очередной раз слезы. Плакать сейчас, когда проклянулся новый шанс, ей показалось занятием глупым. Уж лучше провести время ожидания с пользой. В чем заключается эта польза? Эх, жаль, она не любительница фильмов и книг детективного жанра, сейчас бы знала, что нужно делать. Наверное, вспомнить тот день, когда видела Паню в последний раз, в мельчайших подробностях? Похоже на то. Ведь Гуров наверняка с этого допрос начнет. Или это называется не допрос, а беседа? Плевать, как бы ни называлось, главное, чтобы состоялось.

Воссоздать сцену на автовокзале несложно, она и так стоит перед глазами двадцать четыре часа в сутки. Вот она просматривает табло с расписанием автобусных рейсов, вот бежит к посадочной площадке под номером шесть, вертит головой в поисках любимого. Затем разворачивается и натывается взглядом на седую шевелюру и ярко-оранжевую с черными полосами толстовку. И все. Дальше – ступор. Нет, помннть-то она все помнит, только сможет ли заставить себя рассказать кому-то о том, что почувствовала тогда и что чувствует теперь?

Спросит ли Гуров, почему она сразу не побежала к машине? Почему не набрала номер Пани, когда поняла, что машина уезжает? Сможет ли она объяснить, как вышло, что Николай вообще оказался сперва на вокзале, а затем в той злополучной машине? Поймет ли он, что вся проклятая ситуация – не более чем досадное недоразумение. Нет, нет, думать

сейчас об этом совершенно неуместно. Валерка прав, теперь все гораздо серьезнее. Теперь речь идет о жизни и смерти. Больше нет сбежавшего жениха, нет глупой размолвки, теперь есть пропавший человек. Может она или не может вспоминать тот день, тяжело ей или стыдно, о себе и своих чувствах придется забыть.

«Только бы он согласился, только бы Валерке удалось уговорить Гурова помочь! Господи, хоть бы все закончилось благополучно! Я просто не вынесу бремени вины. Боже, только не это. Что угодно, только не это!» – Нина молилась отчаянно и безнадежно, даже не осознавая этого. Молила того, кого не знала, в кого не верила и даже не задумывалась о самом его существовании. Просила о снисхождении, как дети просят о прощении, не до конца понимая, в чем их вина. Разница лишь в том, что свою вину Нина ощущала всем естеством. Она виновата в том, что Паня исчез. На ней лежит ответственность, и, если все закончится ужасно, этот крест ей придется нести до конца жизни.

Глава 2

– Надо помочь человеку, Лев Иванович! Очень надо. Вы же знаете, если бы не крайние обстоятельства, я бы ни за что...

Валерка Жаворонков навис над столом полковника Гурова, уперев руки о край столешницы. Ему нечасто доводилось выступать в роли просителя, и от этого он усердствовал сильнее, чем того требовали обстоятельства. Щеки его покраснелись, голос возвысился, грозя вот-вот сорваться на фальцет, язык не поспевал за мыслями, отчего слова путались и набегали одно на другое. Гурову же такие сцены были не в новинку. У него, можно сказать, иммунитет выработался относительно бурных проявлений эмоций со стороны просителей. Невозмутимость полковника росла пропорционально накалу страстей просителя. Вот и сейчас, наблюдая за тем, как отчаянно капитан Жаворонков пытается убедить его в эксклюзивности жизненной ситуации своей знакомой, Лев отстраненно размышлял о том, как, в сущности, банальны все эти истории. Банальны до тех пор, пока не копнешь.

– Лев Иванович, ну правда, ситуация патовая. Вы бы видели, в каком она состоянии! Она плакала! Нет, не плакала, она рыдала!

– Они все рыдают, Валера, в этом нет ничего удивительного или неординарного. Пропал дорогой ей человек, не пля-

сать же теперь.

– Вы не понимаете, Лев Иванович. Фадеева, она же крепень! Я ее с малых лет знаю и ни разу не видел, чтобы она хоть слезинку проронила. Ни в детстве, ни потом. Да она и плакать-то не умеет, – горячился Жаворонков.

– Не умела, – поправил Гуров.

– Что?

– Не умела, говорю. Ведь сейчас у нее получилось, верно?

Сам сказал – рыдает.

– Да, пожалуй. Неважно. Тут не философствовать нужно, а действовать. В таком состоянии долго она не протянет. – Жаворонков вновь устремил молящий взгляд на полковника: – Так как, Лев Иванович, поможете? Хотя бы послушайте ее, о большем я не прошу. Если зацепиться не за что, так ей и скажете. Из ваших уст она примет и такой ответ.

– Валера, я тебя, конечно, уважаю, но и ты меня пойми. Пропажей людей занимается совершенно другое ведомство. И ты не хуже меня знаешь, как реагирует Орлов. Правильнее будет обратиться к компетентным людям, которые на поиске пропавших собаку съели. В этом я тебе помогу, сделаю пару звонков, чтобы к проблеме Нины отнеслись с особым участием. Но это максимум, чем я могу быть полезен.

– Нет, Лев Иванович, вы не правы! У ваших компетентных людей глаз замыленный, душа очерствевшая, и вообще, нет таких способностей, как у вас, – горячился Жаворонков. – Я знаю, из каких на первый взгляд безнадежных ситу-

аций вы выходили победителем, поэтому верю, что помочь Нине можете только вы.

Фигура Жаворонкова, нависшая над столом, создавала ощущение, что из комнаты выкачали весь воздух. Гуров встал, дошел до окна, приоткрыл фрамугу и сделал глубокий вдох. Свежий воздух разлился по легким, освежил лицо.

– Сдаваться ты не намерен, – повернувшись лицом к Жаворонкову, произнес он, и слова эти прозвучали скорее как утверждение, а не вопрос.

– Не могу я сдать, товарищ полковник. Не тот случай, – просто ответил Жаворонков.

– Ладно, черт с тобой. Веди свою Нину, поговорим.

– Спасибо, товарищ полковник! Огромное спасибо! Обещаю, вы не пожалеете! – Жаворонков так обрадовался, что забыл, как полковник не любит, когда перед ним лебезят. – Я для вас все что угодно... В любое время дня и ночи... По первому зову...

– Валера, не заставляй меня передумать, – пригрозил Гуров, и Жаворонков, захлопнув рот, выскочил из кабинета.

«Торопится, спешит, чтобы лишить меня возможности передумать, – с улыбкой подумал Лев. – Наивный человек! Как я могу отказать в такой ситуации? И кому? Ему? Эх, молодость, молодость! Ничего-то ты в этой жизни не смыслишь». Старым себя Гуров не ощущал, а по большому счету, таковым и не был, однако в последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что жизнь утекает, и утекает настолько

быстро, что он, полковник Гуров, уже не успевает ни насладиться ею, ни прочувствовать. От осознания этого наивность парней вроде Жаворонкова навевала на полковника грустные мысли, приводя на ум какие-то старческие нравоучения.

«Может, и хорошо, что Валера ко мне пришел. Дел сейчас особо важных в отделе нет, так почему не помочь коллеге? Да и самому развеяться не помешает, а то, если так и дальше пойдет, впору действительно в старики себя записывать». Додумать мысль он не успел, в кабинет протиснулась голова Жаворонкова.

– Товарищ полковник, мы пришли, – голосом, звенящим оптимизмом, объявил Валера.

– Ну, входите. – Лев отошел от окна, но в кресло садиться не стал, предпочел остаться стоять.

– Входи, Нинок. Ну, входи же, – донесся шепот из-за двери.

После минутных уговоров Нина все же вошла в кабинет. Довольно высокая, рыжеволосая женщина. Ухоженная, но не лощенная. Одета стильно, без излишней роскоши. Фигура в норме, может, чуть полновата в бедрах, хотя это на любителя. «Хороша, как сказал бы сейчас Стас, но на главную героиню не тянет, – сделал вывод Гуров. – Впрочем, в ее положении удивительно, как она вообще держится. Сколько дней она жениха ищет? Пару недель, так, кажется, сказал Жаворонков. Нелегко ей».

– Доброе утро, Лев Иванович, – первой поздоровалась

Нина.

Гуров кивнул в ответ и предложил:

– Чаю хотите? С пряниками. – Ему хотелось показать, что встреча носит личный характер.

– Вот спасибо, как раз то, что нужно, – воодушевился Жаворонков. – Нинок, ты садись, я тут похозяйничаяю. Ты какой чай предпочитаешь, черный или зеленый?

Почему Жаворонков решил, что должен взять на себя обязанности радушного хозяина, Лев не понял, но возражать не стал. Нина же и вовсе не обратила на это внимания. Она села напротив Гурова, уперлась взглядом в пустое полотно столешницы и замерла. Он обошел стол, опустился в кресло и мягко произнес:

– Волноваться не нужно. Нервничать тоже. Что случилось, то случилось. Наша с вами задача не сожалеть о случившемся, а попытаться найти способ, как все исправить. Вы со мной согласны, Нина?

– Согласна. – Голос прозвучал чуть слышно, глаза на Гурова Нина так и не подняла.

– Замечательно! Выходит, в одном вопросе мы с вами уже пришли к общему мнению, – подбодрил ее Лев. – Если так пойдет дальше, работать нам будет легко и комфортно. Для начала давайте немного познакомимся. Я вам расскажу о себе. Не о личной частной жизни, так как пришли вы ко мне с профессиональным вопросом, значит, и интересуется вас моя профессиональная жизнь, верно?

– Верно.

– Вот и славно. Итак, я расскажу вам о своей профессиональной деятельности, вы сможете задать мне любые вопросы, которые возникнут по ходу рассказа. – По какой-то причине Льву показалось важным увести мысли женщины от личных переживаний, и сделать это он решил, описав несколько эпизодов, в той или иной степени схожих с ситуацией Нины. – Потом вы расскажете мне о себе, о своей жизни, работе и знакомых. Для начала, не затрагивая события, которые привели вас ко мне. В вашем случае меня интересует все: работа, знакомые, друзья, предпочтения в еде и прочая ерунда. Такой вариант вам подойдет?

– Как скажете, – послушно ответила Нина.

– Нет, так дело не пойдет, – недовольно покачал головой Гуров. – Бессловесная овечка мне не нужна. Давайте определяться: вы хотите найти своего жениха?

– Хочу.

– А я хочу попытаться вам в этом помочь. Следовательно, цели у нас одинаковые, так что соберитесь с мыслями, и за дело.

Минут тридцать они просто пили чай и болтали, казалось, ни о чем. Со стороны могло показаться, что трое друзей встретились после долгой разлуки и теперь наверстывают упущенное, стараясь рассказать о себе как можно больше. Жаворонков в беседе участия не принимал. Определив для себя роль радушного хозяина, он подливал чай в чаш-

ки, подкладывал пряники и найденные в тумбочке конфеты, стараясь при этом не упустить из беседы ни одного слова. Наконец Гуров отставил чашку в сторону и, решив, что обстановка благоприятствует, перешел к делу:

– Думаю, пришло время поделиться вашей проблемой. Валера озвучил ситуацию в общих чертах, так что пересказывать события нужды нет. После ссоры ваш жених уехал на автовокзал, чтобы отправиться на дачу. Вы последовали за ним, но остановить не успели. Он сел в незнакомую машину и уехал в неизвестном направлении. На даче он не появился, связь с вами не установил. Пока все верно? – Нина кивнула. – Хорошо. Теперь главный вопрос: почему вы решили, что Николай попал в беду?

Взгляд ее сразу стал сосредоточенным, она даже как-то подтянулась и уже открыла рот, чтобы ответить, но Гуров ее остановил:

– Не спешите, Нина. Вопрос этот очень важный. И ответ на него должен быть соответствующим. Заявления типа: не отвечает на звонки, не пишет, давно не появляется, по большому счету, ничего не проясняют. Бывает так, что человек ушел из твоей жизни, не пишет, не звонит, и это вовсе не означает, что для совершения данных действий он не имеет возможности. Уверен, ваша тревога складывается не из этих замечаний, она гораздо глубже. Вот об этом глубококом я и хочу от вас услышать. Вы понимаете, о чем идет речь?

– Думаю, да, – после непродолжительной паузы ответи-

ла Нина. – Хотите убедиться, что Паня меня не бросил. Конечно, я об этом размышляла, ни одна женщина, какого бы высокого мнения она о себе ни была, не может отместить подобный поворот событий. Мы с Паней вместе уже три года. За это время было всякое. И ссорились, и спорили, и до серьезных конфликтов доходило, но чтобы разбежаться? Такая мысль не посещала ни меня, ни его. Я в этом уверена, как бы самонадеянно это ни звучало.

– Я вам верю, – проговорил Лев, и хоть это прозвучало убедительно, Нина посчитала нужным пояснить:

– Люди ведь по-разному ссорятся. Бывают ссоры глупые, бывают непримиримые, но по большей части все ссоры сводятся к одному: кто-то из пары хочет заявить о своем недовольстве, вот и все. Такие ссоры редко приводят к разрыву. Вот мы с Паней ссорились только так. И он, и я слишком долго наслаждались независимостью, отсюда и конфликты.

– Но в этот раз он все-таки ушел. – Гуров произнес эту фразу не для того, чтобы оспорить заявление Нины, но она восприняла ее именно так и сразу бросилась в атаку:

– Это ничего не меняет! Просто на этот раз я перешла грань, я это признаю. У Пани просто не было другого выхода, понимаете? Если бы я не вышвырнула в подъезд его сумку, он ни за что не оставил бы меня в таком состоянии. О моих эмоциональных взрывах он знает больше, чем я сама. И бороться с ними научился куда лучше меня. Да что я перед вами распинаясь!

– Тише, Нинок, тише! – поспешил на выручку полковнику Жаворонков. – Не нужно так резко реагировать. Лев Иванович не имел в виду ничего плохого. Простая констатация факта. Ты лучше успокойся и подумай над его вопросом.

– Почему я решила, что Паня попал в беду? – Нина слегка сбавила тон и продолжила: – Ответить на этот вопрос сложно. Я бы сказала: я так чувствую, но ведь это не ответ, верно?

– Верно, – кивнул Гуров.

Нина откинулась на спинку кресла и задумалась. Сидела молча минут пять, сосредоточенно глядя в одну точку и пытаясь вычленить главное из своих ощущений.

– Николай очень обязательный человек, – начала наконец она. – То, что он не вышел на работу, говорит само за себя. Пожалуй, это главное, что заставляет меня думать о плохом. Я звонила его начальнику, он тоже в замешательстве. Да, он все текущие дела перед отпуском завершил, но не предупредить о том, что не выйдет на работу в срок? Это не в его стиле.

– А он не предупредил, – догадался Лев.

– Нет, конечно. Не позвонил, не написал и вообще никаким доступным способом не уведомил руководителя о задержке. И еще... пусть мы поссорились, но ведь поставить точку все равно необходимо. После трех лет совместного проживания без этого никак не обойтись. Это тоже не в правилах Николая.

– Ребята из местного отдела, которые завели розыскное

производство, сделали соответствующий запрос в банк. С момента исчезновения Николай ни разу не воспользовался банковской картой. Счет мобильного оператора в означенный срок он не пополнил, железнодорожных и авиабилетов не покупал, – вступил в разговор Жаворонков.

– Да погоди ты, Валера! – оборвала его Нина и снова обратилась к Гурову. – Есть еще одно. Я изучила статистику. Ежегодно в одной только Москве пропадает порядка четырех с половиной тысяч человек. В той же статистике сказано, что чаще всего люди теряются из-за несчастных случаев, произошедших с ними в дороге. В дороге! А знаете, какой процент из числа пропавших становится жертвами преступлений? Порядка двадцати процентов, и это официальные данные МВД. А теперь сложите все нюансы, и вы получите то, чего хотите от меня добиться.

– Неизвестная машина, телефон вне зоны, отсутствие действий с банковскими картами, невыход на работу, – перечислил вслух Гуров. – Плюс психологический портрет и нормы поведения. Я вас понял, Нина. Вопрос с повестки дня снимается. Переходим к деталям. Их, к сожалению, немного, но они могут оказаться крайне важными. Вам придется вспомнить все в мельчайших подробностях. Не паникуйте, с помощью наводящих вопросов вспомнить детали будет несложно. Начнем с описания самой машины.

Кабинет Гурова опустел только к трем часам. Нина оказалась на редкость наблюдательным свидетелем. Поначалу де-

ло двигалось медленно, она постоянно терялась от каждого нового вопроса, заданного Гуровым, но в итоге им удалось найти оптимальный способ общения, и работа стала продвигаться намного быстрее. За два часа полковник собрал достаточно информации, чтобы начать действовать.

Марку автомобиля Нина не определила, сославшись на то, что плохо разбирается в данном вопросе. Иномарка, старенькая, цвет серебристо-серый. Совсем непримечательная. Четыре колеса, четыре двери, все, как положено. Гуров долго гонял Нину по внешнему виду авто и сумел-таки выудить из ее памяти две детали, которые могли помочь в поисках машины. Автомобиль стоял к Нине левым боком. Он поблескивал в лучах заходящего солнца тусклым серебром, отчего на заднем крыле выделялся заметный скол, где-то ближе к дверце. Скол небольшой, но в этом ракурсе невольно царапал глаз.

Еще одна деталь, запомнившаяся Нине, – это передний бампер. Вернее, не сам бампер, а его окраска. С задним бампером было все в порядке, диссонанса он не вызывал. Все то же серебро с черным молдингом по всей длине и четко посередине. А вот передний, та часть, которая была видна, от заднего явно отличался. Здесь черной полосы, разделяющей серебро, Нина не увидела. Верхняя часть, как и вся машина, сверкала серебром, а вот нижняя была выкрашена в какой-то темный цвет. Может, черный, может, темно-коричневый, а может, и в синий. Точнее описать Нина не смогла, но Гурову

было достаточно и этого. На первое время.

С места тронулась машина плавно, но скорость набрала быстро и из поля зрения ушла почти мгновенно. Этому способствовало и место ее парковки – в стороне от посадочных платформ, за границами автовокзальной парковочной площадки. Потому, наверное, Нина и не сразу увидела приметную фигуру Николая. Если бы не его дурацкий прикид, яркостью цветов бросающий вызов фирменному знаку компании телекоммуникационных услуг «Билайн», скорее всего, и вообще не увидела бы. Зачем он купил эту толстовку, Нина не понимала. Она не одобряла его стиль одежды «а-ля спецовка». Разгуливать по городу в форме менеджера по продажам мобильной связи? Чего ради? Николай же находил в этом особый шик.

В тот момент рядом с серебристым седаном парковалось порядка шести автомобилей. Всех Нина не вспомнила, но пару приметных назвала. Справа от седана припарковался микроавтобус ярко-желтого цвета. На крыше вывеска с надписью «Грузоперевозки» и телефон. Нине удалось вспомнить последние четыре цифры. Ноль восемь, ноль восемь. Гуров надеялся с их помощью отыскать владельца микроавтобуса.

За микроавтобусом, чуть в стороне, стоял солидный джип. Черного цвета, с тонированными стеклами. За рулем кто-то сидел, но его примет Нина не запомнила. Слабая зацепка, но все же... Также Нине удалось вспомнить, что у

киоска, торгующего мороженым, собралась приличная очередь, и продавщица то и дело высовывалась из окошка, будто высматривая кого-то. Эта деталь могла оказаться полезной.

Начать Гуров собирался с посещения автовокзала. Посмотреть на место воочию никогда не лишнее. До конца рабочего дня оставалось еще несколько часов, которые он планировал потратить на бумажную работу. Честно и добросовестно. Но жизнь, как известно, всегда вносит свои коррективы в самый неподходящий момент. Только Лев разложил на столе бланк отчета, как в кабинет, шумно и неожиданно, ввалился его друг и напарник Стас Крячко.

– Здорово, бездельник! – пророкотал он, подгребая к столу и сметая по пути стулья в кучу. – Сидишь тут, штаны протираешь, а в мире черт знает что творится.

– И тебе не хворать, – расплылся в улыбке Гуров. – Насо всем к нам или так, на огонек заскочил?

В начале прошлой недели полковника Крячко отправили в соседнюю Тверскую область, где на базе филиала Московского университета МВД проходила международная научно-практическая конференция. Тема конференции звучала довольно пафосно: «Формирование профессионально значимых качеств сотрудников полиции», или что-то в этом роде. Стас Крячко имел неосторожность схохнуть на эту тему на совещании у генерала, за что и получил «почетное» назначение в число избранных как специалист в обсуждаемой области. На самом деле он и ему подобные кандидаты долж-

ны были обеспечивать массовость мероприятию.

Три дня он обивал порог кабинета генерала Орлова в надежде умаслить начальство и избежать почетной миссии, но Орлов оставался непреклонен. В конце концов Крячко пришлось подчиниться и отбыть в Тверь для прослушивания лекций китайских, белорусских и других зарубежных коллег, изнывая от скуки и тоскуя по родным стенам Петровки. Впрочем, в настоящий момент ни печальным, ни расстроенным Крячко не выглядел. Напротив, лицо его лучилось счастьем и довольством. Заметив это, Гуров решил, что Орлов отменил наказание и вернул Стаса в отдел, но ошибся.

– Бытует мнение, – издаലെка начал Крячко, – что представители китайской нации, здороваясь друг с другом при встрече, произносят некую фразу, которая переводится как «Вы поели?». Да, да, именно так. Не банальное «Здравствуйте», а насущный вопрос – не голоден ли собеседник. Было бы неплохо, если бы представители русской нации, или хотя бы отдельные ее особи, взяли данный вид приветствия на вооружение.

– Так ты поесть сюда пришел, – разочарованно протянул Лев. – И когда только ты усмиришь свое ненасытное брюхо?

– Вот вам и здрасьте! И это после недели разлуки? Вместо булки с котлетой – осуждение? Ладно, не парься, зная тебя, я позаботился обо всем сам.

Стас взгромоздился на подоконник и потряс цветным пакетом, который Гуров поначалу не заметил. Красочный ло-

готип возвещал о достоинствах кухни заведения под названием «Дядя Джо». Насколько он помнил, точки общепита с таким названием поблизости от управления не было, значит, Крячко озаботился угощением заранее.

– Из Твери котлеты вез? – шутливо спросил Лев.

– Угадал, дружище, из самой Твери. Знал бы ты, как скучно и тоскливо они живут, Лева! С восьми утра лекции, выступления, доклады и прения. Бла-бла-бла, бла-бла-бла... Достоинства и недостатки современной системы обучения, внутренний потенциал, перспективы развития... и так до двух часов. Потом часовой перерыв на обед, и все по новой. Бла-бла-бла, бла-бла-бла... Вот это чудо – единственное, что примиряет меня с тягомотиной, которую приходится слушать двенадцать часов кряду, – снова потряс пакетом Стас. – А сегодня я решил: хватит с меня дисциплины, пора начинать разлагаться. Ушел на обед, благо перерыв в этот раз ровно в полдень устроили, забежал к «Дяде Джо» и сюда. Не с пустыми ж руками к лучшему другу идти. Так что доставай стаканы, будем чаевничать. Я тебя такими булками угощу, ум отъешь!

– Генерал за твои проделки тебя тоже попотчует, если в управлении застанет, – засмеялся Гуров, но стаканы достал. И даже чайник включить не поленился.

– Ерунда, у меня практическое задание, – отмахнулся Крячко. – Внедряем в ряды российских полицейских новую систему китайских коллег.

– Это о состоянии желудка справиться, что ли?

– Почему нет? Хорошая ведь идея.

«Отчет никуда не денется, обеденный перерыв – тоже дело нужное, – подумал Гуров. – Перекусим, потом за отчет примусь». Но и этот план воплотить в жизнь не удалось. Не успели друзья-приятели распаковать дары «Дяди Джо», как аппарат внутренней связи издал призывный звук, и мелодичный голос Верочки, секретарши генерала Орлова, сообщил, что генерал в срочном порядке вызывает к себе полковника Гурова. По какому вопросу, спрашивать было бесполезно. Верочка такой информацией редко владела, а если и владела, то делиться ею ни с кем не собиралась.

– Думаешь, по мою душу? – Крячко постарался, чтобы голос звучал небрежно. – Дежурный напел? Сегодня Селиванов на посту, вроде не должен.

– Открою тебе маленький секрет, мой эгоцентричный друг, – пряча улыбку, проговорил Лев. – Мир не крутится вокруг твоей персоны, так что не дрейфь. Лопай булки, отдыхай. Вернусь, расскажу, зачем я Орлову понадобился.

В приемной Гуров коротко кивнул Верочке, та мило улыбнулась и, потянувшись к селектору, вдавила кнопку громкой связи.

– Петр Николаевич, полковник Гуров прибыл, – заученно выдала она, глазами указала полковнику на дверь и вернулась к прерванному занятию.

«Ясно. Делиться информацией не хочет, – сделал вывод

Гуров. – Что ж, расстраиваться не станем. Если уж залет, то от выволочки не уберечься». Он прошел к двери кабинета, толкнул ее вперед и шагнул внутрь. Цепкий взгляд охватил кабинет целиком. Генерал сидел на привычном месте. Чуть в стороне расположился мужчина представительного вида. В строгом костюме, в белоснежной сорочке и в галстучке бирюзового оттенка. Стрижка стильная, по последней моде. Руки холеные, туфли блестят, точно надраенная палуба. На коленях солидный кейс черной кожи – явно не дешевка.

«Начинается, – мысленно простонал Лев. – Снова высокие просители. Вернее, требователи. Люди, подобные этому пижону, никогда не просят, только требуют. А как хорошо все начиналось». Хмурое выражение лица генерала только укрепило полковника в предположении, что незнакомый господин в строгом костюме пришел сюда не чаю попить. Его прислали сверху, и в устной, а может, и в письменной форме порекомендовали к проблемам означенного господина отнестись с «особым вниманием». Сколько их было за время службы Гурова в уголовном розыске? Десятки? Сотни?

Дела такие он терпеть не мог. В большинстве случаев подобные типы только тормозили расследование, хотя и заявляли, что никоим образом влиять на следствие не собираются. Да и проблемы их, как правило, оказывались больше надуманными. Хотя... Бывали случаи, когда благодаря таким вот типам, их влиятельности и настойчивости раскрывались

довольно громкие преступления. «Ладно, чего гадать. Поживем – увидим».

– Товарищ генерал-лейтенант, полковник Гуров по вашему приказанию явился, – строго по форме доложил о своем прибытии Лев.

– Здравия желаю, полковник. – Ответ Орлова прозвучал полуофициально, будто он для себя еще не решил, в какой манере вести разговор. – Присаживайтесь. Тут для вас дело наклеивается.

– С вашего позволения я постою, – из чистого упрямства заявил Гуров и остался стоять возле открытой двери.

Генерал встал из-за стола, прошелся по кабинету, выглянул в приемную.

– Верочка, меня ни для кого нет, – бросил он секретарше и закрыл дверь.

Возвращаться за стол Орлов не спешил. Развернулся, прошел два шага и остановился точно напротив полковника. Пару минут стоял, молча изучая носы собственных ботинок, затем перевел взгляд на Гурова. Глаза их встретились. «Вот такие дела, Лева. Снова кого-то хорошо подмазали», – говорил взгляд генерала. «Значит, будем соответствовать. Нам не привыкать», – отвечал взгляд полковника. Обменявшись беззвучными репликами, они разошлись в стороны. Орлов вернулся на свое место, а Гуров отошел на два шага в сторону, чтобы видеть лицо гостя.

Все это время тот сидел молча, вытянув спину в струну

и поджав локти к бокам. Костяшки пальцев впились в кожу кейса. Поза буквально кричала о напряжении гостя. На лице его, напротив, отражалась вселенская безмятежность. Он наблюдал за передвижениями генерала, ожидая, когда на него обратят внимание, что было, честно сказать, нетипично для представителей его класса. Обычно терпением они не отличались и, как только внимание хоть на минуту переходило от них к другому объекту, тут же спешили вернуть его к себе любым способом.

– Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный угрозыска. – Орлов решил-таки представить полковника гостю. – Он – тот, кто вам нужен.

– Я догадался. – Голос у гостя оказался довольно приятный. Низкий, чуть хрипловатый, совершенно мужской.

– Хотите сами посвятить его в детали дела?

– Доверюсь вашему профессионализму, – нервно поправил кейс на коленях мужчина. – Уверен, из ваших уст просьба прозвучит намного убедительнее.

– Как скажете, – пожал плечами Орлов и обратился к Гурову: – Присаживайся, Лева. Разговор не на пару минут. У господина Доронина серьезные проблемы.

Больше Гуров сопротивляться не стал. Выдвинул стул у дальнего края стола, сел и приготовился слушать. Проблема Доронина оказалась и правда серьезной. Смерть вообще несерьезной не бывает, а уж если речь идет о предполагаемом убийстве, тут и вовсе не до шуток. Зашел Орлов издале-

ка, и даже не издалека, а с самой предыстории. Господин Доронин являлся представителем славной профессии банковских работников, а точнее, служил исполнительным директором довольно известного в Москве банка.

Это в рабочее время, а в свободное от работы время Доронин имел хобби. Он был заядлым рыбаком, таким, про которых снимают передачи, пишут тематические статьи и заносят в книгу рекордов. К своему хобби Доронин относился серьезно, к оснастке и всяким хитрым примочкам, которыми пользовались заядлые рыбаки, имел особую слабость. При таком раскладе у него просто не могло не быть излюбленного рыболовного магазина, а в нем доверенного лица в виде продавца. И вот с этим продавцом, к которому Доронин имел особую симпатию, случилась беда.

Ситуация типичная: четыре дня назад Струбалин Олег Михайлович, сорока двух лет от роду, отправился на дачу. Так как он и сам питал страсть к рыбалке, разумеется, и дачу себе выбирал возле водоема. Огородов на участке не устраивал, используя дом и землю исключительно для отдыха. В этот же день он обещал Доронину отзвониться и сообщить, как идет клев. Директор банка собирался присоединиться к продавцу на следующий день, так как у него неожиданно наметился внеплановый выходной.

Но Струбалин не позвонил, а у Доронина изменились планы, так что об исчезновении продавца он узнал только сегодня. Сообразив, что забыл предупредить Струбалина об из-

менениях в планах, Доронин попытался исправить положение задним числом. Он набрал номер Струбалина, но аппарат оказался вне зоны. Доронин решил, что до обеденного перерыва извинения подождут, и занялся текущими делами. К часу дня освободился и сразу поехал в магазин к Струбалину. Но на месте того не оказалось. Сменщик сообщил, что он просто не вышел на работу, и все. Не позвонил, не написал, а звонки самого сменщика наталкивались все на ту же фразу «вне зоны действия сети».

Доронин понял, что с продавцом случилась беда, и начал действовать. Какие кнопки ему пришлось нажать, на какие рычаги надавить, генерал Орлов не знал, но эффект от этого давления ощутил на себе уже через два часа после действий Доронина. И теперь, сидя между двумя маститыми представителями правоохранительных органов, тот всей кожей ощущал их недовольство, и все же отступать не собирался.

Почему для него оказалось так важно принять участие в судьбе простого продавца магазина рыболовных товаров, он и сам не знал. Сентиментальность? Сила привычки? Пожалуй, нет. Чувство вины за то, что, возможно, его загруженность стала причиной столь плачевного конца для Струбалина? Тоже нет. Спасти его он не смог бы, даже если бы забил тревогу в тот же день, когда над Струбалиным нависла угроза. Как сказал патологоанатом в морге, смерть наступила в промежутке с часу до трех дня, а звонка от Струбалина Доронин ждал не раньше восьми вечера.

Несмотря на разницу в возрасте и положении, он, видимо, считал Струбалина своим другом. Пока Струбалин был жив, Доронин не задумывался над тем, каков статус их отношений. Но когда сменщик с таким равнодушием заявил, что понятия не имеет, почему человек, с которым он проработал бок о бок несколько лет, не явился на рабочее место, его аж передернуло. Откуда такое равнодушие? И он понял, что сам так поступить не сможет.

– Тело Олега Струбалина нашли местные жители недалеко от населенного пункта под названием Лотошино. Оно лежало в придорожной канаве неподалеку от федеральной трассы... – Рассказ Орлова подошел к завершающей стадии. – Господин Доронин ездил в морг, где опознал тело. Видимые следы насильственной смерти отсутствуют. Физическая причина смерти – отек легких в результате аллергической реакции. Тем не менее исключать насильственный характер смерти пока рано, слишком много нюансов. Вот с этими нюансами вам и предстоит разобраться, полковник. Задача ясна?

– Так точно. Когда приступать? – Гуров понимал, что официоз приказа адресован гостю, поэтому и ответил соответственно.

– Лучше бы вчера, Лева, – вдруг перешел на дружеское обращение Орлов. – Преступление стареет с каждым часом. Тебе там и осматривать уже нечего, четыре дня прошло.

– Я понял, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Господин Доронин, у вас остались еще вопросы? – сухо поинтересовался Орлов.

– Если можно, я бы хотел, чтобы меня держали в курсе, – попросил Доронин. – Я оставлю номер телефона.

– Я сам буду докладывать вам о ходе расследования. – Голос Орлова прозвучал еще суше. – Не смею вас задерживать.

Гуров первым вышел из кабинета. Доронин догнал его на лестнице, тронул за рукав, вынуждая остановиться.

– Что-то забыли? – спросил Лев.

– Не хочу, чтобы вы уходили вот так, – выпалил Доронин.

– Что значит «так»? – нахмурился Лев. На сегодняшний день истерик с него достаточно. Сначала Валерка, затем Нина, теперь еще Доронин? Но истерить банкир не собирался. Он оттеснил Гурова к стене, чтобы тот гарантированно выслушал его, и начал быстро-быстро говорить, будто боялся не успеть высказаться.

– Струбалин ведь мне никто, просто знакомый продавец. Ну, пару раз рыбачили вместе. Да и то вместе лишь условно. Он находил хорошее место и делился со мной находкой. А на дачу к нему я впервые собрался. Так и не попал. – Слова вылетали со скоростью, которой позавидовал бы игровой аппарат. – Но ведь он человек! Живой человек! Был живой. А его в канаву, как кутька безродного. И в морге... Вы видели, как хранят неопознанные трупы? Как килек в банку запихнут по пять пар в одну камеру, и это еще в лучшем случае. Кто заслуживает такого обращения? А тот, второй про-

давец? Какое равнодушие! Его напарник три дня как мертв, а он на него проклятия шлет за то, что на работу не вышел. Проклятия! Как будто смерти мало...

– Я вас услышал, – мягко проговорил Гуров, как только в монологе образовалась пауза.

– Нет, не слышали, – покачал головой Доронин и заговорил еще торопливее: – Я не права качать сюда пришел. Просто в нашей стране так принято: приказ сверху всегда быстрее выполняется. А я хочу, чтобы смерть Олега была отмщена. Нет, не отмщена, это слишком громко. Мне важно, чтобы к поиску его убийцы отнеслись серьезно, понимаете? Чтобы не отмахнулись от «висяка», чтобы довели расследование до конца. У Олега ведь никого. Ни семьи, ни родителей. Выходит, у него один я и остался. Значит, и ответственность на мне. А ответственность – это вам не воздушный шарик, иголкой не проколешь.

– Я вас услышал, – повторил Гуров. – И могу обещать, что к поиску убийцы вашего друга отнесутся с максимальной долей ответственности.

– Спасибо! – В голосе Доронина прозвучало облегчение. Реальное, физическое облегчение. – Спасибо, товарищ полковник!

Не прощаясь, он быстрым шагом сбежал по лестнице и скрылся за углом. Гуров с минуту стоял в пролете лестничного марша, размышляя над превратностями судьбы. Как порой жизнь закручивает сюжет: чужой человек оказывается

ближе кровного родственника, а смерть обостряет чувство долга и сострадания. Страхнув оцепенение, он спустился на пролет вниз и зашагал к своему кабинету.

Глава 3

Темный душный, с ярко выраженным земляным запахом, подвал освещался лишь тусклым светом карманного фонаря. Он висел на стене в метре от пола. Крючком служил старый ржавый гвоздь-сотка. Шляпка чуть изогнута вверх, рельефные полосы почти стерлись от времени. В таком положении фонарь мог осветить лишь часть комнаты, но кого это волнует? Кого вообще могут волновать такие пошлые мелочи, как освещение? Подобные проблемы – просто пыль.

Вот «косяк» с последним клиентом – это серьезно. Очень серьезно. Сколько прошло времени? Много или мало? Знать бы, сколько для них мало, а сколько много. Но ответа нет. И решения проблемы нет. С освещением проще. Захотел – пустил провод поверх стены, ввернул лампу на сто пятьдесят ватт, и ты весь в свету. Хотя нет, этот вариант уже не прокатит. Лампы в сто ватт под запретом у государства, их попросту запретили выпускать, что уж говорить о 150-ваттной?

– О чем ты думаешь? Хрень с лампочками обмозговываешь? – Звук голоса, хриплого от долгого молчания, отразился от земляной стены и бумерангом влетел в уши, которые тоже успели отвыкнуть от внешних раздражителей. Голос напугал до мурашек.

«Что это? Сходишь с ума? Возможно». Дальше диалог с самим собой пошел в беззвучном режиме. «Хорошо бы сой-

ти с ума. Безмозглому все фиолетово. Проблемы его не волнуют, заботы не тяготят. И клиентов искать не нужно, и разгребать последствия не придется». Рука потянулась к странного вида предмету. Лезвие, широкое, почти десять сантиметров у основания, к концу сужалось до пяти миллиметров. Квадратная ручка-короб, совершенно неудобная, кургузая и облезлая. Орудие? Оружие?

Пальцы едва сошлись, такой широкий охват. Лезвие медленно поползло по земляному полу, оставляя за собой тонкий след. Глаза неотрывно следили за полосой. Первая чуть кривовата, вторая ровнее, третья... идеальная. Остальные можно не смотреть. Сила в руке наливается пропорционально количеству проведенных полос. «Ты должен сделать выбор. Ты должен сделать выбор. Ты должен сделать. Черт, да заткнешься ты наконец?» Вопрос, адресованный самому себе, остался без ответа. Взрыв эмоций отозвался дикой болью в области висков и где-то в животе.

Надо успокоиться, иначе – конец. Одно дело – лишиться ума, и совсем другое – жизни. Жить хотят все – это он точно знает. Он тоже хочет жить. Как? Другой вопрос. Но хочет однозначно. А для этого нужно успокоиться. Забыть о выборе, сосредоточиться на полосах. Они реальные, они физические, их можно потрогать, можно стереть, нанести еще раз. Рука снова пошла вперед. На этот раз по земляному полу поползла странной формы рукоятка. Следы от нее напоминали траншеи. Где он видел такие траншеи? Голова болит, не дает

вспомнить. А вспомнить так хочется. Эти воспоминания из разряда приятных. Откуда-то из детства.

Детство... Когда оно было? Вчера? Полвека назад? Может, прошла вечность? Скорее всего. Детство – это кайф, вечный кайф. Веки сами собой опустились, и перед мысленным взором поползли картины. Сперва отрывочные, точно кадры с допотопной киноплёнки. Постепенно кадры начали сливаться воедино, выстраиваясь в красочный, будоражащий тело и душу фильм. По коже поползли мурашки, на лбу и над верхней губой проступила испарина, конечности обмякли, выпуская странного вида предмет.

Первый эпизод, как всегда, завораживал. Босоногий мальчик лет трех мчится по пыльной дороге, утопая в теплой, ласковой пыли по щиколотку. Ощущение от прикосновения мягкой субстанции так приятно! Где-то на середине пути «дыхалка» сбивается, он замирает на месте. Но ненадолго, крепкие ножки не желают бездействовать. Ступни начинают зачерпывать теплую пыль и подбрасывать ее вверх. Она поднимается облаком вокруг полуголого тела, создавая ощущение чего-то волшебного. Скоро пыль осядет на голеньком животе, на пухлых плечах, белых трусиках и задорно вздернутом носике. Кайф? Кайф!

Второй эпизод плавно сменяет первый. На небо наползают тучи, живот, покрытый пылью, принимает на себя первую каплю. Затем, почти сразу (или это только так кажется?), капли разрастаются в объеме и льют теперь сплошным по-

током. По плечам к животу идут кривые полосы. Как траншеи... Рот расплывается в широкой улыбке, ноги сами собой пускаются в пляс. Затем и этого становится мало. Он припускает что есть мочи по мокрой дороге. А лужи уже собираются под ногами, не лужи, а целые озера. Как по мановению волшебной палочки. Только что была сушь, а через минуту дорожные колеи и выбоины до краев наполнились водой. Бежать по ним так волшебно! Брызги разлетаются во все стороны. Если сумеешь топнуть посильнее, фонтаны взлетают выше головы, оседают на нестриженую голову. Кайф? Кайф!

Дальше вереница эпизодов бежит без остановки. Большая корзина под раскидистой яблоней. В ней гора яблок. Спелых, бело-желтых, с шикарным красным бочком и неизменными отверстиями, окаймленными буро-коричневым. Ходы червяков, успевших полакомиться дарами лета до тебя. Старая раскладушка в тени абрикосового дерева. Перекладина для подголовника слегка изогнута (результат очередной ссоры взрослых, не умеющих наслаждаться жизнью), отчего при лежании голова запрокидывается назад. Ну и пусть! Лежать на брезентовой ткани слишком хорошо, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Трехколесный велик, весь проржавевший от неправильного хранения, но все еще выполняющий свою основную функцию. Левая педаль постоянно слетает, заставляя седока соскакивать на землю и неумелыми руками прилаживать «непослушницу» на место. А ноги крутят, а колеса бегут, и

кляксон гудит так громко! И снова широкая улыбка растягивает губы над теперь уже беззубым ртом. Мышка в этом году поживилась, что есть, то есть. Сразу восемь зубов ей отнес. Расставаться с зубами оказалось слегка грустно. Привык к ним, что ли? Наверное, привык. Без зубов неудобно, но весело. Особенно плевать.

Дальше идет резкий скачок. На кадрах, существующих лишь в голове, карапуз превращается в худого, изможденно-го подростка. Не подростка, а как называют этот возраст? Отрочество? Может, и нет, но слово ему нравится. И думать о себе как об отроке прикольно. Детство немного потускнело, теперь кайф приходит вроде как урывками. Но все еще приходит.

Тарзанка над обрывом. Качаться на ней восхитительно и страшно одновременно. Это доставляет особое удовольствие. До колик в животе, до боли в паху. Прыжок в темную глубину – отдельная песня. Адреналин зашкаливает, как только руки отрываются от круглой, отполированной сотней таких же потных ладоней перекладки. Пока летишь вниз, в голове ни одной мысли. И это тоже замечательно. Как будто в космосе.

Арбузы на бахче. Круглые полосатые бока солнце нагрело так, что пальцы жжет. Катишь его к придорожной канаве, а сам ждешь: вот сейчас выскочит сторож, и мягкое место взорвется жуткой, но сладкой болью. Тут главное – не оставливаться. Уж если получил заряд соли в зад, так хоть ар-

бузом заешь. Маскировочный головной убор, сделанный из арбузной корки, съезжает на глаза, сок от оставшейся мякоти рисует борозды на щеках. Черные от пыли, как траншеи...

Рыбалка на самодельную удочку. Первый карп, выловленный собственноручно. Руки изранены колючими плавниками, а на губах – улыбка. Ладони окрашены красным. Это кровь. Таков уж карп, без боя не сдается. Капли собираются в продолговатые полосы, рука сама тянется ко рту. Язык слизывает первую каплю. Она соленая и какая-то терпкая на вкус. И снова по телу мурашки, и снова спазм в животе. И это кайф! Неизмеримый кайф, до судорог в ногах, до рези в паху.

Острая боль вырывает из облака воспоминаний. Реальная, не воображаемая. Веки открываются. Черт! Снова это. Почему, ну почему все хорошее всегда заканчивается так плохо?! Теперь уже наяву он подносит ладонь к лицу. В тусклом свете карманного фонаря на ладонях видны тонкие кровавые полосы. Капли начинают капать на земляной пол, он машинально слизывает их, морщится, сплевывает. Волшебство закончилось, пришла реальность.

Он поднимается во весь рост, шагает к ступеням. Фонарь остается на гвозде. Зачем он ему? Это здесь тьма и сырость, а он идет туда, где солнце и позитив. Спустя три минуты он стоит возле белоснежной раковины. Красные капли с глухим звуком падают на эмалированную поверхность и превращаются в бесформенные кляксы. Он меланхолично открывает

кран, смывает кровь сперва с ладоней, затем и с эмали. Сверху щедро поливает перекисью. С некоторых пор пол-литровая бутылка всегда стоит на полке возле мыла. Вместо мыла. Бесцветная жидкость пенится на ранах, затягивая травмированные участки. Двумя пальцами завинтить крышку, промокнуть ладони одноразовым полотенцем, и на этом все. До следующего сеанса.

Лотошинский участковый инспектор сидел на поваленном дереве и лениво жевал травинку. А что еще оставалось делать? Место происшествия он сигнальной лентой огородил еще в первый день, как только прибыл туда. Никанорыч, гордо именуемый местными властями «бригадой экспертов-криминалистов», управился за час и, загрузив вместе с санитаром морга тело в будку «труповозки», уехал. Да и сам он надолго не задержался. И вдруг, спустя три дня, высокое начальство обязало его охранять закрытый объект от несанкционированного вторжения. Так и сказали: ваша задача – воспрепятствовать несанкционированному вторжению. Как будто инопланетян ждут!

А что тут охранять? Три былинки, две тростинки и один булыжник? Все, что было можно, ретивые школьники, как только обнаружили труп, затоптали и на камеры наснимали. А потом еще всей деревне раззвонили, что у Хамова пруда мертвяк лежит. Толпа любопытных ломанула к пруду, и только потом весть дошла до полицейского отдела. Никано-

рыч так и сказал: похерили все улики, безмозглые ротозеи. Ну, или что-то близкое к этому, если исключить из пространной речи бранные слова.

Ругаться Никанорыч умеет. Можно сказать, виртуоз ненормативной лексики. Из соседних деревень молодые парни как на научно-практическую конференцию в Лотошино ездят. Перенимают опыт, так сказать. Да только для такого дела особый талант требуется. Не у каждого получится. У Никанорыча получается. Он, старший лейтенант полиции Сергей Щипачев, тоже учился, но потом бросил, не потянул.

Сегодня, услышав про новый приказ, Никанорыч эмоции не сдерживал. Проматерившись, выразил сочувствие и пошел по своим делам. Сочувствие Никанорыча оказалось к месту. Похоже, ему здесь куковать и куковать. Когда еще гонцы из Москвы придут? Может, и не сегодня даже. И ладно бы еще в первый день, когда труп нашли, а то два дня ни о какой охране не думали, а как узнали, что москвичи едут, так опомнились. Рисовщики хреновы!

Но сидеть придется, иначе начальник отдела его с потрохами сожрет. Хорошо, хоть пацаны прискакали, хотели видео с места преступления отснять, чтобы было что в Ютюб выкладывать. Видео снимать он запретил, но воды и харч из деревни ему все равно приволокли, сам как-то не озаботился. Для деревни такая забота дело привычное. Все знают: Земля круглая, когда-нибудь и он пригодится.

Мужика жалко, не старик еще, жить бы да жить. Интерес-

но, что его погнало в их края? Работы в Лотошине своим не хватает, баб симпатичных по пальцам пересчитать, картины писать и ближе к Москве места красивые найти можно. Непонятно. Хотя, возможно, он и не к ним вовсе ехал. Это хорошо, что родственники чухнулись вовремя, а то бы в неопознанных мужик остался. Невостребованным трупом быть плохо. Валяешься, как кусок мяса некондиционного, и выкинуть жалко, и продать некому.

Сам он от такой участи застрахован. С его многочисленной родней в невестребованных надолго не удержишься. Пятый ребенок в семье, у отца три брата, у матери четверо. Да у каждого детей от трех до пяти, а у этих детей мужья-жены и свои дети. Кровной родни под сотню набегает, а ведь есть еще друзья, приятели, знакомые и сослуживцы. Хотя на сослуживцев, как оказалось, надежда слабая. Вот мужика этого напарник и не думал искать. Так дядька представительный, что в морг на опознание приезжал, сказал. Нет, говорит, человека на работе, а они и в ус не дуют. Хреново!

Хотя его-то коллеги в теме, может, и забили бы тревогу, а по своим каналам проще пробить. Вот, к примеру, года два назад у них в Лотошине комбайнер пропал, так его на следующий день в розыск объявили. Правда, там самая страда для комбайнеров была, может, этот фактор решающую роль сыграл. Но думать приятнее, что люди в Лотошине заботливые и до чужой беды отзывчивые. А комбайнер нашелся. За сто километров от Лотошина, но нашелся. Спяну на попут-

ке вместо Лотошина в Клушино укатил. Видать, выговорить название толком не смог, вот его и увезли.

Тогда все смехом обошлось, а ведь могло случиться, как с этим мужиком. Деньгами бы соблазнились, или просто на отморозков нарвался бы. Прибили бы по дороге и в канаву выкинули. Такое сплошь и рядом случается. Этот мужик вон тоже из простых, сразу видно. Одежка дешевенькая, стрижка «бобрик», только ногти на руках чистые и ботинки добротные, кожаные, на высоком протекторе и не из дешевых. В прошлом году он себе хотел такие купить, чтобы на охоту с деверем гонять, но по зарплате не потянул. Накосячил, премии лишился, а матери постыдился признаться. Пришлось часть зарплаты как премию ей отдать. У них с матерью три года как уговор действует. С получки он ей на хозяйство половину отстегивает, и каждая премия – ее. На автомобиль копит. Мечтает, чтобы он по деревне не ногами ходил, а на колесах разъезжал. Ему по барабану, хоть пешком, хоть ползком, а ей приятно.

Ход мысли прервал шум приближающегося автомобиля. Щипачев вскочил с бревна, одернул форменные брюки и начал вглядываться в даль. Проскочит, значит, на Ивановское пошла, а ему снова жди. Но машина не проскочила, притормозила точно напротив заградительной ленты. Водитель вышел и сразу к ленте направился. «Вот, блин, кричать, что ли, придется, – озабоченно подумал Щипачев. – Сейчас под ленту полезет». Приезжий под ленту не полез. Увидел бегу-

щего лейтенанта, остановился.

– Здравия желаю! – на ходу выкрикнул Щипачев, а, подбежав ближе, уточнил: – Вас из Москвы прислали?

– Заждался? – протянул руку приезжий. – Полковник Гуров, Московский уголовный.

– Старший лейтенант полиции Щипачев, – в свою очередь, представился лейтенант. Полковник ему сразу понравился. Деловитый, сосредоточенный, столичная «шишка», а гляди, с лейтенантиком ручкается, заботу проявляет. – Да не особо. Погода хорошая, отчего не подождать.

– Твоя хорошая погода завтра о себе напомнит, – улыбнулся полковник. – Рекомендую мазь против ожогов в аптеке прикупить.

– Лоб обгорел? – догадался Щипачев. – Вот ведь, засада, всегда про него забываю!

– Часто обгорает?

– До пяти раз за сезон. Кожа чувствительная.

– Тогда не привыкать. Показывай хозяйство. – Гуров приподнял край ленты, поднырнул под нее и остановился: – Где тело нашли?

– Вон под тем кустом, – ткнул пальцем в отдельно стоящий куст Щипачев. – Видать, он его и задержал. Катился с насыпи, пока на куст не наткнулся.

– С чего решил, что тело с насыпи катилось? – спросил Гуров, приступая к осмотру куста и дороги.

– Чего там думать, все же видно, – удивленно поднял бро-

ви Щипачев. – Вон по насыпи полоса широкая идет, и в одежде щебенка застряла. Пуговицу от пиджака оторвало, ее Никанорыч метра за три от тела нашел. Не добровольно же он по насыпи катался?

– Наблюдательный, значит? – довольно улыбнулся Лев.

– Есть такое дело, – без ложной скромности ответил Щипачев. – Мамка в детстве натаскала. Игра есть такая – «Что изменилось?», может, знаете? Это когда разные мелкие предметы сперва на столе раскладывают, дают время запомнить, как лежат, а потом переставляют.

– Играл когда-то. Выходит, не забыли еще старых игр.

– Когда пятерых оболтусов усмирить нужно, и не такое вспомнишь. Мать нас посадит, вывалит кучу из шкатулки, а сама в огород или у скотины убраться. Это пока мы мелкими были. Потом сами управлялись, а она только покрикивала да команды раздавала.

– Из многодетных?

– Ага. Вернее, так точно, – спохватился Щипачев. – Виноват, товарищ полковник!

– Да ладно, расшаркиваться перед своим начальством будешь. Давай, докладывай обстановку, – отмахнулся от извинений Гуров. – Хоть что-то на месте происшествия удалось обнаружить?

– Так, по мелочи, – вздохнул Щипачев. – Тут до нас «Золотая Орда» прошла.

– Это как?

– Да пацанва местная на всю деревню про труп растрезвонила, те и набежали. Никанорычу, нашему эксперту, только обрат и остался, как от молока сепарированного.

– Как от молока, говоришь? – Сравнение Льва позабавило. – И все же что-нибудь есть, за что зацепиться можно?

– Выкинули его наверняка из легковушки, так Никанорыч сказал. Если бы с большей высоты летел, синяки бы остались. Гематомы то есть. А бока у трупа чистые. Следов насильственных действий вообще никаких. Нет, вру, кисть левой руки травмирована. Три пальца сломаны, и кожа с них слезла. Никанорыч сказал, дверцей прищемить могло, причем еще до смерти. Я вот думаю, может, за порог цеплялся, когда из машины летел?

– Возможно. Еще что?

– Карманы куртки пустые. В брюках рекламные проспекты рыболовных принадлежностей и крючок рыболовный. Шикарный крючок, такие только на заказ привозят. Дорогуший, я в прошлом году приценился. Сперва я подумал, надо же, какой заядлый рыбак, на снасти денег не жалеет, а потом узнал, что в рыболовном магазине торгует, и все встало на свои места.

– С Никанорычем вы в друзьях? – поинтересовался Лев.

– Вроде того. Никанорычу под шестьдесят, мне двадцать шесть, про дружбу речи не идет, но друг другу симпатизируем.

– Значит, результатами вскрытия он с тобой должен был

поделитьсяся.

– Так это ж не секрет, – пожал плечами Щипачев. – В одной команде работаем.

– Ну, докладывай, чего время тянуть, – потребовал Гуров.

– Смерть наступила в результате асфиксии, произошедшей ввиду врожденного или приобретенного аллергического синдрома. Отек гортани произошел при принятии аллергена. Какого именно, Никанорыч еще выясняет. Аллерген введен в организм не насильственным путем, а путем обмана, так сказал Никанорыч. Если говорить проще, то мужику дали что-то съесть или, скорее, выпить, не сообщив состав угощения. Тот поел-выпил, а спустя некоторое время начал задыхаться. Тогда-то его из автомобиля и выкинули. Может, сами не ожидали такой реакции.

– Возможно, и так, – согласился Гуров, – хотя могли бы противоаллергенное средство дать или в больницу отвезти. Почему этого не сделали?

– Под рукой не оказалось? Вообще-то Никанорыч что-то такое про гистамины говорил. Только что, не помню. А до больницы побоялись не довезти.

– У аллергиков, как правило, лекарство всегда с собой. Насчет больницы возможно, но могли же и у порога высадить. Там бы хоть кто-то помог.

– Значит, не были заинтересованы в том, чтобы человек выжил, – сделал единственно возможный вывод Сергей. – Хотели, чтобы умер.

– Как одна из версий пойдет, – кивнул Лев. – Будем разбираться.

– Я же еще про один нюанс не сказал, – спохватился Щипачев. – В крови пострадавшего также обнаружены остатки снотворного средства, медицинское название не воспроизведу, но точно не растительного происхождения. Концентрация в крови убойная. Об этом лучше сам Никанорыч доложит, я в деталях не силен.

– Шансы на версию о насильственной смерти повышаются, – задумчиво проговорил Лев. – Что ж, читаем отчет и после этого выводы делать будем. Ты в машине пока посиди, я тут похожу, местность осмотрю. Потом вместе в Лотошино поедем.

Щипачев направился к машине весьма довольный, так как сидеть на солнцепеке ему порядком надоело. На осмотр места происшествия времени Гуров потратил немного, быстро понял, что ловить здесь нечего, и они уехали.

До Лотошина домчали за десять минут. В отделе Гурова встретил начальник Щипачева, предложил проводить в кабинет, отведенный специально для столичного гостя, но Лев отказался. Сославшись на «особые распоряжения» относительно оперативности расследования, он выяснил, где располагается морг, и получил «зеленый свет» на любые действия. В последний момент решив, что помощник ему не помешает, вытребовал себе в напарники лейтенанта. Начальник выбору Гурова удивился, но возражать не посмел. Раз нужен

Щипачев, так тому и быть.

В морг к Никанорычу пришли вместе. Эксперт-криминалист и патологоанатом в одном лице сидел в малюсенькой камерке при здании морга. Седовласый мужчина, на вид почти старик, но с крепкими мышцами и острым взглядом, встретил Гурова как родного, только что не облобызал троекратно. Кресло почетное освободил, бумаги для ознакомления выложил, чай из термоса в чистый стакан налил.

– Я ведь про вас, товарищ полковник, весьма наслышан. Серега Юрков, мой сокурсник по институту, вроде как с вами дружен, верно? Он на Кантемировке в Москве промышляет. Ну, мы с ним, стало быть, тоже корешаемся. Видимся, само собой разумеется, редко, но созваниваемся систематически. Так он про вас такие истории рассказывает, никаких фильмов не надо. Стало быть, я ваш давний и преданный поклонник, что ли?

Сергея Юркова, патологоанатома из Царицынского морга, Гуров знал хорошо. Как и в случае с Никанорычем, делились они всего пару-тройку раз за год, да и то все больше по рабочим вопросам, и все же отношения между ними сложились ближе, чем просто приятельские. Года четыре назад Юрков даже дело Гурову подкинул, заковыристое, выходящее за привычные для угрозыска рамки.

Благодаря наблюдательности Юркова Гуров разоблачил некоего профессора, преподавателя медицинского университета, который, проявив неуместное рвение, взялся испы-

тывать экспериментальный сердечный препарат на своих студентках. Громкое тогда дело вышло. И все же не стоило Сереге расписывать его, Гурова, заслуги так, будто он – Наполеон. Признание Никанорыча создало определенную неловкость, а ведь им предстояло работать вместе не один день.

– Думаю, Юрков несколько приукрасил свои рассказы, – произнес Лев и быстро перешел к текущему делу. Он начал просматривать отчет Никанорыча, задавая по ходу необходимые вопросы: – Причина смерти – отек гортани. Удалось установить вид аллергена?

– Мед. – Поняв, что переборщил с откровениями, Никанорыч притих. – Обычный мед. Скорее всего, входил в состав снотворного. В самом снотворном препарате ничего экстраординарного. Посильнее травяного настоя, и рассчитан, само собой разумеется, скорее на молодой здоровый организм, чем на людей в возрасте, но купить его можно в любой аптеке. Шипучие таблетки с разными фруктовыми добавками. Как в противогриппозных. Этот, стало быть, с медовым экстрактом был.

– Отек вызвал медовый экстракт от шипучих таблеток? Там ведь дозировка минимальная, – удивился Лев. – Такая серьезная реакция, даже странно.

– Не все так просто. – Никанорыч «сел на любимого конька», глаза его загорелись, о недавнем конфузе он будто напрочь забыл. – Моментик тут уж очень интересный. Хотите

подробности?

– Разумеется.

– Препарат, полученный потерпевшим, содержит единственное активное вещество. А именно, доксиламина сукцинат. Выпускается под торговым названием донормил, или сонмил. Суть действия препарата – угнетение или блокировка H1 гистаминовых рецепторов, и, по существу, он является антигистаминным препаратом. Улавливаете иронию судьбы? Нет? Ничего, скоро поймете. Так вот, хоть препарат и работает на угнетение гистаминовых рецепторов, но как антигистаминное средство не применяется, только как снотворное. Очень хорошее снотворное, почти лучшее для экземпляров, чья нервная система лишь слегка пошатнулась. Действует почти мгновенно, уменьшает время засыпания, увеличивает время сна. Если на следующий день не за руль, стало быть, лучшего средства не найти.

– И в чем подвох?

– В побочных эффектах. – Лицо Никанорыча светилось торжеством. – Как у любого антигистаминного препарата, у этого привычный набор побочных действий: сухость во рту, тяжелое пробуждение, сонливость в первой половине дня. Помимо прочего, препарат не рекомендуют употреблять пациентам с нарушением почечной функции оттока мочи и... нарушением дыхания во время сна! Как у Даля говорится: что русскому – хорошо, то еврею – смерть, верно?

– Хотите сказать, помимо аллергии на мед жертва стра-

дала нарушением дыхания во время сна? Это вы тоже в результате вскрытия узнали?

– Да нет же! Неужели непонятно, тут сработал обратный эффект. Стечение, стало быть, обстоятельств. Пострадавший принял снотворное, его стало клонить в сон, когда начал действовать аллерген. Произошел отек гортани, стало быть, нарушилось дыхание во время сна. И как в этом случае действует донормил? Он увеличивает отрицательное воздействие аллергена, заставляя гортань сжиматься в разы быстрее. Теперь понятно? Вместо того чтобы снять симптомы аллергической реакции, препарат усугубил ситуацию.

– Похоже на правду. – Гуров задумался, анализируя информацию. – Одна беда наложилась на другую.

– Тот, кто поил жертву медовым снотворным, видимо, понятия не имел ни об аллергии, ни о побочном эффекте снотворного, вот что я думаю. Его и из машины выкинули скорее в панике, нежели по злему умыслу. Знаете, сколько в нашей местности дремучих мест, куда нога человека ступает разве что по пьяни да сдуру? Было бы желание, спрятать труп на годы труда не составит. Верно, Серега?

– Правильно говоришь, Никанорыч. Я об этом все утро думал. Зачем понадобилось выбрасывать труп у Хамова пруда? Там ведь народ толпами ошивается. И рыбаки, и грибники, и просто шалберники, которым дома не сидится. Километров шесть вперед проехал, сбросил тело в кювет, и через месяц его ни одна экспертиза не опознает.

– Это ты про Собачий хутор? – закивал головой Никанорыч. – Там да, там бездомные собаки от нашего трупешника и костей бы не оставили. В этом году они особенно лютуют. Люди туда ходить боятся, стая до сотни псов разрослась, да и делать там особо нечего. Делянка в полгектара вся сплошь терновником да диким шиповником поросла. Захочешь, не продерешься. Уж сколько местные жители властям на это место гиблое указывали, сколько жалоб писали, а воз и ныне там.

– Относительно травмы кисти что можете сказать? – попытался Лев не дать Никанорычу уйти с заданного курса.

– Тут тоже любопытный материал, – снова оживился патологоанатом. – Травма кисти получена в результате резкого удара, скорее всего, нижней части автомобильной дверцы. Удар был неоднократный, лупили по кисти раза четыре, не меньше. Видно, не хотел мужик пальцы расцеплять. Жестко, больно, но, возможно, именно это обстоятельство поможет найти злоумышленника.

– И снова вынужден просить пояснений, – произнес Гуров. – Чем эта травма может помочь следствию?

– А тем, что удары производились с такой силой, что микроскопические частицы краски остались на покалеченной конечности. Впечатались в оголенную кость, так сказать. Не мне вам напоминать, какая важная улика – краска с подозреваемого авто. Частицы я сохранил, курьером в Москву отправил. У нас необходимого оборудования нет, а в столице

мигом определяют и марку, и год выпуска.

– Это хорошая новость. Отлично сработано, – похвалил Лев. – Осталось тело осмотреть, и можно выдвигаться обратно в Москву.

– У нас, значит, не останетесь? Жаль, жаль. Думал, посидим по-семейному, чайку попьем, Сереге Юркову косточки перемоем, – мечтательно протянул Никанорыч.

– В другой раз обязательно посидим, – заверил Гуров. – А пока не до посиделок. Приеду в Москву, потороплю экспертов. Скорее всего преступник или группа преступников от машины успели избавиться, и все же найти владельца стоит попробовать.

– Ваша правда, товарищ полковник, – согласился Никанорыч. – Это только попадая ко мне, люди перестают спешить и опаздывать. Вам же приходится торопиться. Пойдемте, познакомлю вас с «Хамовым трупом».

– Вы всем, кого в морг привозят, прозвища даете? – нахмурился Лев.

– Нет, конечно, – аж руками замахал патологоанатом. – Только тем, кого еще не опознали. Как-то ведь нужно их различать. Теперь-то мы знаем и имя, и фамилию, а прозвище по привычке вырвалось.

Он провел Гурова в комнату, где стояли холодильные камеры. Нужная оказалась третьей в первом ряду. Формальную фразу о готовности произносить не стал. Сколько раз сам полковник читал предупредительный монолог? Поди,

раз пятьсот. Наизусть уж выучил, так что можно не напрягаться. Каталка поехала по рельсам, встала в пазы. Никанорыч снял одноразовую простыню, обнажая загорелый торс мужчины.

Лейтенант Щипачев остановился у порога. К посещению морга он всегда относился предвзято. Разглядывать голое тело, да еще после вскрытия – удовольствие сомнительное. Одно дело труп в канаве, он хоть на человека похож. В одежде привычной, в обстановке располагающей, короче, все как у людей. А под люминесцентными лампами и в обрамлении холодного кафеля это уже не человек, а фигура восковая, так он считал. Благо ему, как участковому, не так часто приходилось иметь дело с трупами, все больше с алкашами да хулиганами.

Гуров же в морге бывал чаще, чем другие люди в хозяйственном магазине. Холодный «могильный» свет он почти не замечал, трупы, изрезанные скальпелями и заштопанные нитками, его не напрягали, а запах... запах присутствует всегда. Хоть в розарий труп положи, а от запаха не избавишься. В любом случае работу делать надо.

Осмотр и на этот раз много времени не занял. Работу свою Никанорыч выполнил на пять с плюсом: отчет составил строго по правилам, результаты расписал подробно, «воды не лил», все только по существу. Гурову оставалось лишь снять копию, и ровно в девять вечера он отбыл в Москву.

Глава 4

В этот день на автостанцию в Мякинино Гуров так и не попал. В полночь делать там было нечего, его ведь не место интересовало, а свидетели. А какие же свидетели в ночное время? Мороженщица и та наверняка в этот час десятый сон в теплой постели досматривает. Самому Гурову было не до сна. Одна забота наложилась на другую, какой уж тут отдых. Это Крячко хорошо, его проблемы отдела в данный момент не касаются. Вернулся на свою конференцию, дрыхнет в казенном гостиничном номере, или компанию для распития горячительных напитков организовал и гульбарит по полной. Для него это не проблема, в любой обстановке друзей-товарищей найдет.

Ехать в отдел смысла особого тоже не было. С экспертами он решил связаться утром, идти на доклад к Орлову – пока лишь пустая трата времени, да и не требовал генерал от него незамедлительного отчета. А вот подумать о том, как Струбалин вместо Сычева, где держал дачный участок, в Лотошино попал – вопрос номер один. Но эту головоломку можно и дома решать, поэтому из Лотошина Гуров поехал напрямиком домой.

Чтобы не мешать жене, которая к тому времени уже спала, он закрылся на кухне, обложился картами и принялся прокладывать возможные маршруты от Москвы до дачи Стру-

балина. Дачу для отдыха тот выбрал грамотно. Если верить блогерам и форумам, места у Сычева рыбные. Тут тебе и водохранилище, и пруды с карасем и ротаном. Есть озеро и речка Гряда, хоть берег и изрезан карьерами, но для опытного рыбака это не помеха.

Рыбалка в сычевских местах Гурова интересовала постольку-поскольку, больше дорога до рыбных мест. Расстояние между Лотошино и Сычево, в среднем, километров шестьдесят, какой-то час езды. Лотошино располагалось дальше и в стороне от федеральной трассы, но направление одно, на Волоколамск. В свете новых фактов картина вырисовывалась очень даже четкая. Из Москвы Струбалин выехал на попутке либо на такси. Такси под вопросом, так как все вызовы регистрируются, но проверить не помешает. В пути ему предложили некий напиток, содержащий снотворный препарат типа донормил. Для чего? Для совершения впоследствии противоправного действия. Может, ограбить хотели, может, жизни лишить, ответ на этот вопрос еще предстояло выяснить.

Расчет преступников был на то, что пассажир просто заснет, но тут вмешался случай. Сработал аллерген, и пассажир начал задыхаться. На то, что он умрет в салоне автомобиля, преступники не рассчитывали, а пассажиру становилось все хуже. Они запаниковали, в этом вопросе Гуров с Никанорычем был склонен согласиться. Он не один год за преступниками гоняется, а абсолютно хладнокровных убийц

встречал редко. Рано или поздно каждый преступник начинает паниковать, потому что, какой бы гениальный план он ни разработал, жизнь обязательно внесет свои коррективы. На этом и держится уголовный розыск. На глупых ошибках, непредвиденных обстоятельствах и случайных совпадениях.

В данном случае преступник никак не мог предвидеть, что Струбалин страдает аллергией на мед, и надо же было так совпасть, что для маскировки вкуса он выбрал шипучие таблетки именно с этим ароматизатором. Но все сложилось так, как сложилось, и теперь ему, Льву Гурову, нужно понять, в какой момент все пошло не так.

Почему это важно? Чтобы сузить круг поиска. Предположим, преступник планировал довести пассажира до конкретного места. Этот вывод логичен. Раз уж задумал совершить преступление, значит, и место для его осуществления выбрал заранее. Сычево отпадает. Слишком людно, да и Струбалина там наверняка знают. Есть вероятность, что запомнят и машину, и водителя. Вполне возможно, преступник надеялся, что до Сычева пассажир заснет крепким сном, и возмущаться тем, что водитель проскочил нужный поворот, будет уже некому. Пассажир спит, преступник везет его, куда захочет.

Собирался ли он ехать в Лотошино? Гуров в этом уверен не был. Скорее нет, чем да, так бы он описал свои ощущения. Лотошино и Хамов пруд, видимо, вынужденная мера. Пассажир просыпается от недостатка кислорода, задыхает-

ся на переднем сиденье, просит о помощи, требует остановить машину или что-то в этом роде. Все это не входит в планы преступника, он паникует и едет куда глаза глядят. Когда же пассажиру становится совсем худо, принимает решение и выталкивает того из салона. Притормаживает, переваливается через пассажирское сиденье, распахивает дверь и толкает жертву на дорогу.

Но тот умирать не торопится и хватается за порог, не давая возможности преступнику закрыть дверь. Тому приходится остановиться, так как на ходу справиться с жертвой трудно, и несколько раз ударить дверцей по пальцам жертвы, пока наконец хватка не ослабевает. Тело катится под откос, машина рвет с места и уезжает в неизвестном направлении. Пока все логично.

Следующий вопрос: был ли Струбалин ограблен, или его собирались убить? Выяснить этот вопрос можно лишь условно. Проверить счета в банке, наличие банковских карт и размер сбережений на них. Узнать, не снимал ли Струбалин крупную сумму накануне поездки и не воспользовались ли его счетами уже после его смерти. Все это Гуров узнает по официальному запросу, это не проблема. Проблема появится, если счета целы. Кто, а главное, почему мог желать смерти продавцу рыболовных принадлежностей? Месть? Сведение счетов за нанесенную обиду? Все это возможно.

Доронин в этом вопросе не помощник. О Струбалине он практически ничего не знает, кроме того, что тот не имеет

кровной родни. Придется встретиться с коллегами Струбалина, возможно, они смогут дать наводку. Ну, и соседи, разумеется. С соседями, пожалуй, шансов больше, к ним к первым и идти.

Еще предстоит выяснить, каким способом Струбалин обычно добирался до дачи. С этим вопросом придется обращаться к дачным соседям, вряд ли городские в курсе. Есть ли смысл обходить автостанции, откуда уходят пригородные автобусы по Волоколамскому направлению? Будет видно из результатов опроса соседей.

Определив фронт работ на ближайшее время, Гуров спать не пошел. Он продолжал сидеть на кухне, подперев голову руками и всматриваясь в карту. Вроде бы можно и на покой отправляться, все равно с теми исходными данными, что есть на руках, ничего нового не высидеть, а что-то не пускает. Ощущение, что вот-вот зацепишь что-то важное, что-то, что поможет по-иному взглянуть на ситуацию, настолько сильно, что затылок ломит. Откуда оно пришло? В какой момент размышлений появилось? Непонятно.

Уснуть в таком состоянии нереально, значит, проще смириться и пройти весь путь заново. От начала до конца. Или, наоборот, подойти к проблеме с другой стороны. Что он знает о личности жертвы? Пока очень мало, но все же кое-какая информация имеется. Что ж, попробуем поработать в этом направлении.

Олег Струбалин, мужчина за сорок, одинокий. Из всех ра-

достей – одна рыбалка. Даже дачу ради этой цели приобрел. Пропал, и вспомнить про него некому. Случайный знакомый тревогу забил, так это скорее удача, чем закономерность. По какой-то причине сел в машину незнакомца. Почему незнакомца? Да потому, что хороший знакомый знал бы про аллергию. Мед – это не хлорка, его в какие только продукты не добавляют. Купил печенье или пряник, угостил друга, а он возьми да и начни задыхаться. Про такие вещи принято заранее предупреждать. Вот и получается, что водитель был ему незнаком.

Почему он поехал на дачу на машине? Обычная практика добираться на попутках ради экономии средств? Как-то не вяжется. Иметь дачу и ездить туда от случая к случаю? Вряд ли этот вариант окажется верным. У каждого дачника есть свой маршрут, которым он следует до места загородного отдыха. Интересно, не обсуждал он этот вопрос с Дорониным? Может, позвонить ему, пусть мозг напряжет. А что время позднее – ничего страшного. Сам хотел, чтобы к расследованию серьезно отнеслись. На часах без четверти два, куда уж серьезнее? Ему, Гурову, необходим толчок. Не сдвинется с места, не исчезнет ощущение чего-то глобально важного – сегодня ему не уснуть. А завтра, между прочим, новый день, со своими трудовыми обязанностями и заботами.

Набирая номер Доронина, Лев не был уверен, что тот ответит или не пошлет его куда подальше. Сомневался и все же набрал. Доронин ответил после второго гудка.

– Да? – Сонливости в голосе не слышно.

– Это Гуров.

– Я понял. Ваш номер внесен в контакты.

– Есть вопрос. – Лев говорил коротко, отрывисто. По непонятной ему самому причине общаться с Дорониным не хотелось.

– Я понял. – Ответы Доронина звучали так же коротко и сухо.

– Знаете, как обычно Струбалин добирался до дачи?

– На попутках. Кажется, у него недалеко от дома автостанция промежуточная, как раз в нужном направлении, где-то возле МКАД. Он туда пешком, а там попутчиков ищет. Искал.

У Гурова словно щелкнуло что-то в мозгу.

– Случайно, Струбалин жил не в районе Мякинино? – задал он вопрос и замер, ожидая ответа. Оно? Не оно?

– Там. Когда я дорогой до дачи интересовался, он от своего дома меня ориентировал, – пояснил Доронин.

– Ясно. Спасибо за помощь.

– Вы что-то узнали? Что-то важное?

– Пока рано говорить. Завтра созвонимся, – не стал забежать вперед полковник. – Но вы мне действительно помогли. Спокойной ночи!

Лев сбросил звонок, уперся взглядом в карту. Вот оно! Вторая задача вписалась в первую. Или первая во вторую, без разницы. Ситуация с Нининым женихом, Николаем Па-

раниным, почти точная копия ситуации со Струбалиным. Дача, Мякинино, незнакомая машина, исчезновение. Разница лишь в том, что один ездил на попутках постоянно, второй предпочитал автобус. Неужели серия?

– Проклятье! Только этого мне не хватало! – вслух выругался он.

Фраза прозвучала громче, чем хотелось. Из спальни донесся голос жены:

– Лева, у тебя все в порядке?

– Да, милая, все в порядке. Спи.

– Ты скоро? Который час? – Щелкнул ночник, и следом послышался тихий вздох: – Два часа, Лева, ты вообще спать сегодня собираешься?

– Да, да, я скоро. Прости, спи, родная.

Ночник потух, жена поворочалась в постели и затихла, а Гуров еще долго сидел в ярко освещенной кухне, сопоставляя скудные факты. Результат ему не нравился. Ох как не нравился, но вывод напрашивался сам собой. «Придется проверять, – в сотый раз сам для себя произнес он. – Орлов будет в бешенстве, но тут уж ничего не поделаешь». В четверть четвертого Лев свернул карты, потушил свет и пошел спать. Грядущий день не предвещал ничего хорошего.

– Какая серия, Гуров? Ты в своем уме?!

К Орлову полковник попал только к десяти утра. До этого времени он успел переделать кучу дел: связался с кри-

минологическим отделом и вытребовал у них результаты по краске, добытой Никанорычем, вызвал в отдел Нину Фадееву и довольно продуктивно с ней пообщался, сделал запрос в банк, где у Струбалина был открыт счет; отправил в рыболовный магазин гонца с повесткой, чтобы тот обеспечил явку напарника Струбалина, и еще целый ряд розыскных мероприятий, не терпящих отлагательства. Теперь же Гуров стоял навтыжку в кабинете генерала, который носился по комнате и метал громы и молнии.

– Серия! Только этого нам не хватало. И как только тебя угораздило! Ты хоть Доронина этой «приятной» новостью не успел огорошить?

– Никак нет, товарищ генерал! – В таких случаях Гуров предпочитал обращаться к другу строго по форме.

– Хоть за это спасибо. И где ты только эту Фадееву выискал!

Подставлять лейтенанта Жаворонкова Гуров не собирался, поэтому предусмотрительно промолчал. По опыту он знал, что пыл с генерала скоро сойдет и они смогут обсудить создавшуюся ситуацию без эмоций. Возмущение Орлова было Гурову понятно. Серийный убийца без лица, без имени – перспектива малоприятная. Это ему, Гурову, легко. Пришел, доложил и жди указаний, а Орлову о происшествии наверх докладывать, а там за такие новости по голове не глядят.

– Скажи мне, Лева, ты на сто процентов уверен, что исчезновение Паранина и смерть Струбалина взаимосвязаны,

что это звенья одной цепи? – Вопрос прозвучал в десятый раз за последние двадцать минут, и Гуров в очередной раз повторил то, что отвечал и в первом, и во втором, и в последующих случаях:

– Стопроцентную гарантию я смогу дать лишь тогда, когда следственные и оперативно-разыскные мероприятия будут проведены в полном объеме.

– Чего ты мне казенными фразами сыплешь? Ты мне конкретный ответ дай. Уверен, что Паранина и Струбалина убил один и тот же человек?

– Да не могу я тебе сказать то, что ты хочешь услышать, – уловив настроение генерала, перешел от доклада к дружескому диалогу Лев. – Не знаю я точно, Петя. И никто не знает, разве что сам убийца. Я даже не уверен, мертв ли Паранин или еще жив, но узнаю непременно. Потому и пришел к тебе. За помощью пришел, а не за головомойкой. Я не больше тебя рад, что два дела в одно сливаются, но таковы обстоятельства. Без твоей поддержки мне не обойтись, сам знаешь. И Крячко вызвать прошу не из прихоти, а по необходимости. Мне не разорваться. В Сычево ехать надо, в Мякинино надо, на адрес Струбалина тоже практиканта не пошлешь, одному никак не успеть. А если Паранин еще жив? Если неизвестный маньяк где-то его держит? Пока мотивы преступника нам не ясны, такой вариант мы исключить не можем.

– Ладно, ладно, совестить меня надумал, – сбавил тон Орлов, теперь он уже не кричал, а скорее ворчал. – Допустим,

Крячко я тебе верну. И еще пару человек выделю, раз уж у тебя обстоятельства. Но наверх докладывать не стану, даже если по шапке потом получу. Пока веских доказательств мне не предоставишь – будем считать, что занимаешься ты только одним делом. Убийство Струбалина в приоритете, слышишь меня, Лева? В приоритете. С Параниным разбирайся либо параллельно, либо в свободное от службы время. Так Фадеевой и скажи: официального хода ее делу я не даю, и точка. Нет трупа – нет дела.

– Тела, – машинально поправил Гуров.

– Что? – нахмурился Орлов.

– Поговорка так звучит: нету тела – нету дела.

– Гуров, ты вообще обнаглел? Ты мне еще байки рассказывать начни или предсказания Ванги напомним!

– Виноват, товарищ генерал, исправлюсь, – козырнул Лев, но улыбку сдержать не сумел.

– Иди отсюда, шутник! – повеселел и Орлов. – Крячко сам звони, а я подумаю, кого вместо него послать. В помощники возьми Агейкина и Ярцева, они оба без дела прохлаждаются.

– Спасибо, Петя, – поблагодарил Гуров. – За Крячко – отдельное.

– Иди уже, – махнул рукой Орлов. – И в курсе меня держи. Если все же серия, я должен узнать об этом первым. Да смотри, чтобы раньше времени в прессу не просочилось, а то не сносить нам головы.

Об этом Лев и сам знал, утечка информации сейчас ему

совсем не на руку, но беспокоиться по этому поводу причин не видел, так как выводы держал при себе. Генералу только и доложил, даже Валерке Жаворонкову и то словом не обмолвился, хотя тот у его кабинета с восьми утра пасса. Вот и сейчас, не успел Гуров вернуться, а он уже торчит в дверях.

– Что еще, Валера? – со вздохом спросил Лев, пропуская Жаворонкова в кабинет.

– Нина заходила, сказала насчет машины, – осторожно проговорил Валера. – Что-то проклюнулось?

– Ничего конкретного, обычные розыскные мероприятия.

– Она сказала, вы иномарку ищите, это правда?

– Ищем.

– Я могу помочь. У меня сейчас как раз время свободное появилось.

– Знаю я о том, как оно у тебя появилось. Всю ночь текущие дела подбивал, – проворчал Лев. – А спать когда? Так и свалиться недолго.

– Кузнецов «настукачил»? – насупился Жаворонков. – Его какое дело? С работой я справился, а в какое время, никого не касается. Так как насчет помощи, нужна или нет?

– Вообще-то нужна, – признался Гуров. – Только может так статься, что машина эта к делу Фадеевой отношения иметь не будет. Сам понимаешь, у меня помимо ее забот другие дела есть.

– Труп из Лотошина? – проявил осведомленность Жаворонков. – Пусть так, все равно помогу. Вам больше времени

на поиски Паранина останется.

– Хорошо, записывай, – сдался Лев. – «Фольксваген» выпуска от девяноста шестого до девяносто восьмого года. Цвет «серебристый металлик». Пока ищем владельцев, зарегистрировавших данный вид авто в Москве и Московской области, дальше будет видно. Составишь список владельцев с адресами. Успеешь пробить по нашей базе на предмет судимости, будет совсем хорошо.

– Все сделаю, Лев Иванович. – Жаворонкову до смерти хотелось узнать, почему Гурова заинтересовали владельцы именно этого автомобиля, но он сдержался и вопросов задавать не стал. – Отчет в письменном виде?

– Будет что-то особо интересное – позвонишь. Полную информацию лучше распечатай. Все, Валера, дел полно. Иди!

Когда Жаворонков покинул кабинет, Гуров набрал номер Крячко, в двух словах обрисовал ситуацию, после чего тот пообещал выехать немедленно. Сменщик Струбалина должен был вот-вот подъехать, поэтому Лев оказался привязан к своему рабочему месту.

В криминологической лаборатории ему объяснили, что вид краски, обнаруженный на кисти Струбалина, в заводском исполнении использовался для окрашивания ограниченной серии авто. Причем ограничения касались не только марки и модели, но и комплектации, а также, что немало важно, года выпуска. В этом отношении Гурову не просто

повезло, он, можно сказать, лотерейный билет вытянул. По какой-то причине краска не удовлетворила высоких запросов производителей авто марки «Фольксваген», и от ее дальнейшего применения быстро отказались. Вот почему вышло так, что автомобилей, окрашенных искомым цветом, с конвейера вышло не более пяти сотен.

Эксперт-криминалист выдал настолько подробное заключение, что Гурову оставалось лишь ввести эти данные в базу и нажать кнопку «Поиск». Найти владельца «Фольксвагена» пятой модели, с механической коробкой передач, объемом двигателя один и шесть, с передним приводом и ограниченной двумя годами выпуска. Что может быть проще? А теперь еще эту обязанность взял на себя Жаворонков. Удача, да и только. Со списком владельцев авто дело пойдет споро.

Выяснив конкретную модель подозреваемого автомобиля, Лев получил возможность проверить свою теорию. Подготовил ряд фотоснимков серебристых седанов, включив в него не только «Фольксвагены», но и другие марки авто, и вызвал Фадееву. На вызов Нина откликнулась мгновенно, на Петровку приехала в рекордно короткий срок. Несмотря на полное отсутствие знаний о марках и моделях авто, а может, именно благодаря этому, она опознала «Фольксваген» как автомобиль, на котором уехал Паранин.

Чтобы исключить ошибку, Гуров потребовал объяснений, по каким признакам Фадеева остановила свой выбор на данном авто. Ответ оказался конкретный. Как ни странно, она

запомнила характерные габаритные огни, расположенные на бампере, и широкий черный молдинг по всему периметру кузова. Плюс «лицо агрессивно-сердитое», как описала Нина данную модель. Внешне авто действительно выглядело агрессивнее многих своих собратьев. Оpoznанием Гуров остался удовлетворен. Нину отпустил, заверив, что работа идет и о подвижках он ей сообщит дополнительно.

А вот результаты запроса в банк привели в уныние. Ни накануне поездки на дачу, ни в ближайшие недели Струба-лин крупной суммы денег со счетов не снимал. Он вообще не имел существенных накоплений. В пределах месячной заработной платы, не более того. За последние четыре дня картами Струбалина ни разу не воспользовались, что тоже не особо радовало. По всему выходило, что снотворным продавца рыболовных товаров опоили не ради наживы.

– Товарищ полковник, к вам гражданин Уточкин по повестке, – заглянул в кабинет дежурный. За его спиной маячил долговязый парень лет двадцати пяти.

– Пусть заходит, – кивнул Лев, откладывая выписки из банка.

Уточкин несмело шагнул через порог и остановился. Вид у него был испуганный и какой-то виноватый.

– Уточкин Валерий Алексеевич? Проходите, присаживайтесь. У меня к вам имеется ряд вопросов, – вежливо проговорил полковник.

– Да я ведь ничего не знаю, – с ходу включил «несознанку»

Уточкин. – Мы со Струбалиным почти не знакомы. Я там вообще на подмене работаю, в выходные, как второй продавец, и в будни, когда Олегу выходной взять нужно. Я в универе учусь, на ветеринара. Денег не хватает, вот и подрабатываю. Законом это не запрещается.

– Не нужно так нервничать, гражданин Уточкин. Вас никто ни в чем обвинять не собирается. Зададим несколько вопросов, вы на них ответите и вернетесь в свой магазин или в универ, это уж на ваше усмотрение.

– Я правда ничего не знаю, – повторил на всякий случай Уточкин, но после слов Гурова заметно приободрился. – Только время на меня зря потратите.

– Это вам так кажется. Поначалу все думают, что ничего не знают, ничего не видели, ничего не слышали, а копнешь, и удивишься, насколько много информации откладывается в памяти и, по большей части, остается невостребованной.

– Ну, ладно, дело ваше. Задавайте свои вопросы, – смирился Уточкин.

– Для начала стандартные вопросы, – начал Гуров. – Как долго вы работаете с Олегом Струбалиным?

– Три года. Я второй курс закончил, летом пришел в магазин устраиваться, хозяин меня взял на особых условиях. С тех пор и работаю.

– Что за особые условия?

– График скользящий и зарплата сдельная. Сколько продал, столько и получил.

– У Струбалина та же система оплаты действовала?

– У него еще оклад. Минималка, если межсезонье или продаж совсем нет.

– Часто такое случалось, что продаж нет?

– Не очень. В год пару раз, наверное. В марте и в июле стабильно, а в остальное время как придется. Иногда ходовой товар не завезут, мы и сидим, лапу сосем.

– Прям так по месяцам знаете, когда продаж нет? Интересно.

– Да каждый год одно и то же. У меня-то оклада нет. Когда месяц без доходов, поневоле запомнишь. В марте мужики все «бабосики» на бабский праздник спускают, а в июле их же на юга да по заграницам отдыхать возят. Вот выручки и нет.

– Струбалин когда-нибудь жаловался на нехватку денег? – спросил Лев. Он предположил, что, возможно, из-за отсутствия кассы тот мог взять заем, который не сумел вернуть, кредиторы с ним и разобрались. По срокам сходится. От августа три недели прошло, не так много, но кредиторы разные бывают. Одни терпеливые, другие – нет.

– Не больше остальных. Так, между делом, правительство, мол, говно, зарплата – мизер, как на такие гроши жить, – растягивая слова, явно копируя Струбалина, запел Уточкин, но, поняв, что опростоволосился, тут же осекся: – Ох, простите, что-то я не того... Нет, я не против правительства, не подумайте. Лично я считаю, что у нас в стране все отлично,

даже лучше, – сбивчиво заговорил он. – И денег мне хватает. Честно-честно! И Олегу хватало, он только изредка, чтобы поворчать...

– Я понял, – оборвал его Гуров. – Значит, крупных сумм Струбалин не занимал?

– Кто ж его знает? – пожал плечами Уточкин. – Может, и занимал, да не у меня.

– Подумайте, это очень важный вопрос. Быть может, он между делом когда-то обмолвился или в телефонном разговоре с друзьями упоминал? Может, рассказывал, что планирует покупку дорогостоящую, а денег не хватает?

– Нет, ничего такого я не слышал, – покачал головой Уточкин. – Олег покупки займа не делал. Есть деньги – купит, нет – значит, не особо эта вещь ему нужна. Это его жизненный принцип.

– Вот видите, кое-что уже вспомнили, – похвалил Лев. – Ладно, следующий вопрос: к Струбалину в магазин друзья или приятели приезжали?

– А не было у него приятелей, – не задумываясь, ответил Уточкин. – Ни друзей, ни приятелей. Только покупатели знакомые, но они по делу приезжали, и не к нему, а в магазин.

– Вроде Доронина?

– А это кто?

– Покупатель. Он с Олегом на рыбалку ходил. Приезжал в магазин уже после того, как Струбалин пропал. Вас о нем расспрашивал.

– А! Мужик в деловом костюме? Я и не знал, что они дружат. Наверное, да. Таких приятелей у него много. Он на них кассу офигенскую делает, ради этого стоит приятельствовать, верно? – Уточкин мечтательно закатил глаза, видно, представил перспективы, открывающиеся перед ним со смертью напарника. Потом вдруг испугался, глаза в сторону отвел и залепетал: – Вы не подумайте, я Олегу не завидовал. Каждому – свое, правда? Он сам рыбак, ему проще, а я рыбной ловлей не интересуюсь. Я больше по животным. Кошечки, собачки. У меня у самого дома кокер, чихуа и вислоухая британка. С ними интересно, не то что с бессловесными рыбами.

– Женщина у Струбалина была? – перевел разговор на другую тему Гуров.

– Наверяд ли. Он вообще мало о себе рассказывал, но когда речь про женщин заходила, в разговор не вступал. Может, он женоненавистник?

– Разберемся, – сухо ответил Лев и задал следующий вопрос: – Знаете, каким образом он на дачу добирался?

– На «Бла-бла-кар» попутчиков искал, – быстро ответил Уточкин. – Есть такая группа, там в любой конец мира попутчиков найти можно. Чтобы на бензине сэкономить. Своей-то машины у Олега не было, не любит он технику. Не любил, точнее.

– Откуда такая информация?

– Да как же! Он с работы частенько с водителями созва-

нивался, я и слышал. Иной раз по деньгам дешевле, чем на автобусе, выходило, если компания большая.

– И в последний раз звонил?

– Не помню, может, и звонил.

– Дома у него бывали? – Этот вопрос Гуров задал скорее для проформы.

– Откуда? Мы ж с ним не друзья, – удивился Уточкин. – Да и позвал бы, я бы не пошел. Что мне у него делать? Интересы у нас разные, возраст тоже не особо, спиртное распивать ни я, ни он не любители.

– Ясно, – кивнул Лев, забрал лежащую перед Уточкинским повестку, сделал в ней отметку и вернул обратно. – Спасибо, гражданин Уточкин, вы нам очень помогли.

– Я могу идти? – обрадовался парень.

– Если что-то существенное вспомните, звоните, а пока можете быть свободны.

Уточкин вскочил со стула, сгреб в кулак повестку и почти бегом вылетел из кабинета. На пороге он чуть не сбил с ног Крячко, тот едва успел в сторону отпрыгнуть.

– Это что за кузнечик такой? – провожая его взглядом, спросил Стас, входя в кабинет.

– Это Уточкин, свидетель по делу Струбалина, – объяснил Гуров. – Ты откуда такой красивый нарисовался? Я тебе полчаса назад звонил, предполагалось, что ты в Твери. За тридцать минут разве что на реактивном самолете реально до столицы долететь.

– Тише ты, – зашикал Крячко и поспешно закрыл дверь кабинета. – Забыл поговорку: и у стен есть уши. Сейчас раззвонят на всю Петровку, а мне потом перед Орловым красней.

– Не поехал в Тверь? – догадался Лев. – Вот засранец!

– Кончай ругаться, – обиделся Стас. – Ну, не поехал. Так получилось. Зато видишь, как карта удачно легла. Ты бы меня три часа ждал, а так я уже готов к труду и обороне.

– В белых брюках и шелковой рубашке на поквартирный опрос пойдешь? – усмехнулся Лев. – Новые приключения на задницу собирать?

– Почему сразу на поквартирный? У тебя что, для меня дел поважнее не найдется? – нахмурился Крячко. С некоторых пор «поквартирку» он терпеть не мог, хоть и справлялся с задачей лучше многих. – Не жалеешь ты напарника, Лева, ох не жалеешь. Что, если меня опять какой-нибудь бугай по башке долбанет, а она на этот раз возьми да не выдержит?

Такой случай с Крячко приключился, когда они на пару расследовали убийство девушки, найденной в лесу в дешевом чемодане. Станислав тогда чудом жив остался, в госпитале пришлось полежать немало, да потом еще реабилитацию проходить. На этот случай и намекал он другу.

– Может, и не «поквартирка», может, в Сычево поедешь, – примиряюще заявил Гуров. – Садись, пижон, обсудим детали.

– Вдвоем? Ты же сказал, нам Орлов помощников выде-

лить согласился.

– Выделил. Агейкина и Ярцева.

– Ясно. На тебе, Гуров, что нам негоже? – криво усмехнулся Стас.

– Орлов сказал, они без дела сидят, – пояснил Лев.

– Потому и сидят, что им какое дело ни поручи, они его в... А, да ладно, найдем и им применение, – махнул рукой Крячко. – Просто я думал, что у нас настоящие, дельные помощники появятся. Шутник наш генерал, однако.

– Не ворчи, Стас, хорошо, хоть тебя позволил с конференции вытащить. Справимся сами, не впервой. А для этих двух я занятие найду, не сомневайся. Садись ближе, нечего время тянуть.

Крячко поставил стул так, чтобы был виден монитор гуровского компьютера, и тот начал вводить его в курс дела, показывая отчеты, рапорты, карты и схемы, которые успел собрать со вчерашнего обеда. Спустя час напарники составили четкий план мероприятий на весь день, после чего поделили обязанности и разошлись каждый по своим делам.

Глава 5

Нина Фадеева стояла в скудно засаженной деревьями аллее и во все глаза таращилась на парковку, где всего пару недель назад стоял серебристый седан, на котором уехал ее жених. Она понимала, что маскировка подкачала. Банальные солнечные очки и невзрачный шелковый платок на голове скорее привлекали внимание, чем делали их владелицу неприметной, но ничего более оригинального ее неопытная фантазия придумать не смогла. Ставку она делала не на маскировку, а на то, что водитель «Фольксвагена» (теперь она знала марку машины) в тот первый раз попросту не обратил на нее внимания.

После встречи с полковником Гуровым на работу она не вернулась, не могла усидеть на месте. Какая тут работа, когда впервые за невыносимо долгие шестнадцать дней у нее появилась настоящая надежда? Начальник поворчал, но добро на отгул дал. В последнее время он как-то уж рьяно проявлял заботу о судьбе Нины. Она предпочитала не задумываться о мотивах столь резкой смены отношения к ней начальства. Пусть все идет своим чередом, пока границ не переходит. Сейчас ей не до психоанализа, со своими бы настроениями справиться.

На автостанцию в Мякинино она приехала не под воздействием импульса, а приняв осознанное решение, которому

предшествовали два часа размышлений, сомнений и колебаний. Что она ожидала здесь найти? Серебристый «Фольксваген» с водителем за рулем? Неужели такое возможно? Неужели кто-то может быть настолько глуп, чтобы приехать в то же место после совершения преступления? Нет, конечно.

Но в том-то и заключалась разница между ее отношением к проблеме и отношением полковника Гурова. Она не была уверена в том, что совершено преступление. В ее сердце еще теплилась надежда, что ничего смертельно опасного с Паней не произошло. Несчастный случай? Возможно. Но не преступление. А вот Гуров, похоже, такой вариант даже не рассматривает. Это и не удивительно. Ему по статусу положено. Старший оперуполномоченный уголовного розыска только так и должен к делу подходить. Но ведь она не оперуполномоченный, со всем его негативным опытом, она-то не обязана рассматривать исчезновение Пани через призму криминальных очков!

Вот почему она приехала сюда, вот почему стояла в кустах, нарядившись в серый костюм и темные солнечные очки, как шпионка из второсортного кинофильма. Нина хотела выследить водителя серебристого авто. Что она будет делать, если тот действительно появится, она не знала. Может, просто подойдет и спросит, куда он увез Паню. Может, опять же как в детективных фильмах, поймает машину и будет следить за его передвижениями. Почему нет? Женщине

это сделать проще. Сказала водителю, что подозреваешь мужа в неверности, он враз проглотит обман. Еще и посочувствует.

Лучше было бы заказать такси, но кто знает, сколько часов, а может, и дней ей придется здесь стоять? Дело даже не в деньгах, она готова платить за простой. Только вот как она будет выглядеть, если «Фольксваген» так и не появится? Дурой Фадеева даже перед незнакомыми людьми выглядеть никак не могла себе позволить. Пока не могла.

Была и еще одна причина, о которой Нина думать боялась, но все же думала. Что, если самой напроситься в попутчики к водителю «Фольксвагена»? Что будет тогда? Возможно, она за одну поездку узнает все, что не смогли узнать хваленые опера за полмесяца работы. Риск есть, но не так уж он велик. Она ведь не с закрытыми глазами на это пойдет. Кто предупрежден – тот вооружен, так ведь говорят? А она предупреждена.

Вдоль аллеи, напротив наблюдательного поста Нины, остановилась «Газель» с будкой-рефрижератором. На боку яркими красками весело ухмылялся пингвин, окруженный горами мороженого. Водитель, он же экспедитор, он же грузчик, вышел из кабины и неспешно поплелся к киоску, торгующему мороженым. Продащица высунулась из окошка и что-то прокричала немногочисленной очереди. Те зашевелились, сдвинулись в сторону.

«Разгрузаться будет, – догадалась Нина. – Вот ведь при-

спичило ему. Теперь час простоит». Рефрижератор загородил обзор, практически полностью скрыв от Фадеевой автомобильную парковку. Мысленно выругавшись, она сменила позицию, переместившись влево. С этого ракурса можно было видеть лишь часть машин, и совершенно не видна подъездная дорога. Дальше аллея заканчивалась, а торчать на площади, как бельмо на глазу, было неразумно. Это понимала даже Нина, с ее мизерным опытом в сыскном деле.

Она перебралась ближе к киоску и попыталась рассмотреть, что происходит на парковке в прогал между киоском и рефрижератором, но здесь обзор оказался еще хуже. Тогда она вернулась к концу аллеи, прислонилась к дереву и замерла. Часть парковки лучше, чем ничего. Занятая перемещениями, Нина не заметила, как с противоположной стороны от ствола такого же чахлого дерева оторвалась фигура мужчины и двинулась в сторону выезда. Впрочем, если бы она и увидела мужчину, ей бы и в голову не пришло, что он именно тот, кого она в течение нескольких часов так усиленно высматривала.

Слежка, или наружное наблюдение, как называли то, чем занималась Нина на протяжении нескольких последних часов, оказалась делом нелегким. Спустя два часа затекли ноги от долгого стояния на одном месте. Еще через час заняла спина, голова слегка кружилась от недостатка воды. Озабочиться тем, чтобы запастись водой и едой, она не подумала, сказывалась нехватка опыта.

Неизвестно, чем бы закончилось это стояние, если бы не полковник Гуров. Нину он увидел, как только вышел из машины, припарковав ее ближе к билетным кассам. Заметив темные очки и платок, к тому времени сползший с головы и вялым ошейником обрамлявший потную шею, он тут же понял, чем та занята. Ох и рассердился же он! Ну что за детский сад, что за самодеятельность! Вздумала в детектива играть. И с кем? С серийным убийцей!

Решительным шагом он направился к аллее. Нина заметила его лишь тогда, когда расстояние между ними сократилось до десяти шагов. Сперва она растерялась, спряталась было за ствол дерева, но потом поняла, что полковник ее уже увидел, так что все равно неприятного разговора не избежать, и прятаться передумала. В конце концов она свободная женщина и вольна находиться, где захочет и когда захочет.

– Это что за выкрутасы? – остановился в двух шагах от нее Гуров. – Нина Илларионовна, объяснитесь, пожалуйста.

– Я ничего не обязана вам объяснять, – памятуя, что лучшая защита – это нападение, ринулась в бой Нина. – И вообще, нет такого закона, который запретил бы мне здесь находиться.

– Закон целесообразности. – Поняв, в каком состоянии она пребывает, Гуров сбавил тон: – Простой закон целесообразности. Вы рискуете своей жизнью, ставите под удар себя. Кроме того, вы сводите на «нет» мои усилия. Да, да, мои усилия. Позвольте вам напомнить, не далее чем вчера вы сиде-

ли в моем кабинете и уговаривали взяться за розыск вашего жениха. Я согласился, а теперь вы занимаетесь самодеятельностью, даже не подумав о том, что тем самым можете навредить расследованию. Да снимите вы эти дурацкие очки!

– Это очень дорогие очки, – растерянно произнесла Нина, но очки сняла.

– Дорогие и нелепые в сочетании с теплым костюмом. Шерстяной костюм в тридцатиградусную жару! Как вообще можно было до такого додуматься? – Лев взял ее за руку и силком потащил к скамейке. – Садитесь. Сколько часов вы тут простояли? На вас лица нет.

– Не знаю, – честно призналась Нина. – Наверное, долго.

– И каков результат?

– Пусто, – уныло прошептала она.

– Я вызову вам такси.

– В этом нет необходимости, – возразила Нина. – Я сама доберусь до дома.

– Вы хоть что-то сегодня ели? – вдруг спросил Лев. – Вижу, что нет. Идти сможете?

– Я... У меня... Мне нужно отойти, – покраснев, пробормотала Нина.

– Туалет в центральном здании, – догадавшись, о чем идет речь, подсказал Гуров. – Не рыскайте по помещениям, лучше спросите у дежурного, где он располагается.

– Спасибо, – пролепетала она и быстрым шагом направилась к центральному зданию автовокзала.

Гуров остался сидеть на скамейке. «Короткий отдых и мне не повредит, – рассудил он. – Дождусь возвращения Фадеевой, объясню ей, насколько глупо то, что она задумала, потом и за работу примусь». Он взглянул на наручные часы. Стрелки приближались к двум часам пополудни. К этому времени он успел побывать на квартире Струбалина, благо располагалась она неподалеку от автостанции. Пожалев Крячко, на поквартирный опрос он отправился сам. Крячко же поехал в Сычево. Там, конечно, тот же опрос, только люди поспокойнее и на контакт идут куда охотнее городских.

Жил Струбалин в пятиэтажном доме старого жилого фонда на втором этаже. На фоне шикарных многоэтажек новой застройки дом смотрелся таким лилипутом в стране великанов. Гуров же этому обстоятельству был весьма рад. Обходить дом в сорок пять этажей, это же свихнуться можно. А так он рассчитывал управиться часа за три. Будний день, рабочее время, плюс небольшое количество квартир. Возможно, Стас прогадал, остановив свой выбор на дачном кооперативе в Сычево.

Обход Лев решил начать с ближайших соседей Струбалина. Он поднялся на второй этаж, и тут ему снова повезло. Сосед, проживающий в квартире напротив, как раз вышел на лестничную площадку. К тому же он оказался человеком общительным, первым поздоровался, поинтересовался, кого Гуров ищет, а услышав ответ, заявил, что соседа нет дома, причем уже не первый день. «Вот кто мне нужен, – обрадо-

вался Лев. – И Струбалина знает, и относительно его передвижений осведомлен. Однозначно, жизнью соседей интересуется. Может, и не придется по квартирам до одурения таскаться».

Так и вышло. Соседа Струбалина, подполковника железнодорожных войск в отставке, помимо общительности природы наделила хорошей памятью и наблюдательностью. Последний раз он видел Струбалина, когда тот уезжал на дачу. И не просто видел, но и пообщаться успел. Из дома Струбалин вышел с рюкзаком. Удочек при нем не было, но сосед он сказал, что собирается рыбачить на озерах. Мол, слышал, что щука хорошо пошла, грех не воспользоваться. Сосед про удочки спросил, Струбалин заверил, что в дачном домике есть все необходимое. С собой только кое-что пожевать взял, остальное уже на месте. Ехать планировал на попутке. Сам сказал, вернее, пожаловался, что на этот раз заранее не сумел попутчиков найти, так что придется ехать на автостанцию. Если повезет, найдет попутку там, а если нет, уедет на автобусе. С какой именно автостанции собирался ехать Струбалин, отставной подполковник не интересовался. Либо от метро «Тушинская», там людей побольше, либо от своей, из Мякинино.

Вопрос сбережений Струбалин с соседом не обсуждал, про врагов или недругов никогда не рассказывал, относительно женщин впечатлениями не делился, хотя сосед и видел его пару-тройку раз в компании приятной особы. Прав-

да, давно это было, лет шесть назад. С соседями Струбалин жил дружно, скандалов не устраивал, музыку до утра не гонял, пьяных компаний не водил. В гости к соседям не напрашивался, к себе не зазывал. Покупок дорогостоящих, насколько знал сосед, тоже не планировал.

Из родни не осталось никого. Года полтора назад последнюю тетушку похоронил. Кстати, она ему дачу в наследство и оставила. Раньше он туда как гость ездил, а с прошлого сезона уже полноправным хозяином. Недовольных решением тетушки быть не могло, так как из кровной родни только Олег и остался. Жила тетушка там же, в Сычево, когда мог, Олег ее навещал, лекарства покупал, продуктами на неделю обеспечивал, хоть и необходимости в этом не было, тетушка до последнего дня сама себя обслуживала, и в магазин сходить было для нее вроде как развлечение.

На вопрос, не искал ли Олег покупателей на дачу, сосед ответил категорическим отказом. В дачном домике, вернее, в его реках-озерах, вся жизнь Струбалина заключалась. Такое не продается.

Сосед посоветовал пообщаться с семейной парой, проживающей на первом этаже. Вроде как Струбалин с ними дружил. На самом деле вся дружба сводилась к совместной починке рыболовных снастей. Перед каждым сезоном Струбалин соседу с первого этажа снасти налаживал. Олег в этом деле был виртуоз, любые снасти, какие бы сложные и капризные ни были, отладит так, что на весь сезон хватает. Со-

сед этим пользовался. Подкараулит Олега, когда тот с работы возвращается, выскочит к подъезду и давай «окучивать», уговаривать снастями заняться. Тот поломается-поломается да и согласится. Дня два-три в гараже на заднем дворе зависают, пока все снасти в порядок не приведут. Ну, и болтают, разумеется.

Однако семейную пару Гуров дома не застал. Открыла ему престарелая бабка, заявила, что живет с внучком и его женой, сообщила, что раньше восьми вечера ни он, ни его жена не вернутся, и дверь хлопнула.

Гуров честно обошел весь подъезд. Застал дома двух парней-подростков, которые про Струбалина слыхом не слыхивали, еще одну бабульку, молодоженов с пятого этажа и женщину в возрасте, проживающую как раз над квартирой Струбалина. Ничего, о чем бы не рассказал отставной подполковник, узнать не удалось. С этим он и ушел.

Благодаря встрече с отставным железнодорожником Лев сэкономил массу времени и теперь собирался потратить его с пользой, а именно, произвести опрос сотрудников автостанции, включая продавщицу мороженого. Если повезет, кто-то из них да вспомнит «Фольксваген» и его владельца. Но сначала нужно решить вопрос, что делать с Ниной.

Фадеева вернулась спустя десять минут с бутылкой минеральной воды в руке и чебуреком, завернутым в бумажную салфетку. От боевого настроения не осталось и следа. Плечи опустились, взгляд потух, уголки губ сложились в скорбь.

ную линию. На свои тридцать семь она никак не тянула, скорее уж на пятьдесят, да и то с натяжкой.

– Что так смотрите? Старуха? – словно прочитав мысли Гурова, усмехнулась Нина. – Не смущайтесь, сама знаю, что старуха. В туалете зеркало большое.

– Отдохнете, и все в норму придет, – попытался успокоить ее Лев. – Вы просто понервничали, переутомились – и вот результат. Да еще разочарование приплюсовалось. Не стоило вам самовольничать. Посоветовались бы со мной, я бы объяснил, почему затея ваша пустая и даже небезопасная.

– Я подумала, так будет лучше. Он меня не знает, на полицейского я не похожа. Стоит одинокая баба, платком голову прикрыла, очки напялила: что это может означать? – разоткровенничалась Нина. – Что мужик у этой бабы загулял, а она его поймать на месте преступления хочет. Четверо из пяти такой вывод сделают, разве нет?

– Тут вы, пожалуй, правы, – не смог не согласиться Лев. – Только вот насчет водителя «Фольксвагена» вы можете ошибаться. Вполне возможно, что он вас запомнил.

– Да как бы он мог? Одно дело, если бы мы с Паней вместе сюда приехали, а потом бы он от меня ушел и сел в машину того типа, тогда бы можно было предположить, что водитель на нас внимание обратил и запомнил. А так по какому признаку он мог нас связать?

– Помните, как кричали на весь вокзал: «Паня, Паня!» и руками махали? – напомнил Гуров. – Паранин вас не услы-

шал, мысли обидой заняты были, а водитель мог и заметить. И крик ваш со своим попутчиком связать, и за взглядом проследить. Может, не сразу понял, что вы его попутчика выкрикивали, но догадаться мог. И сегодня, здесь вас увидев, мог предположить, что вы его ищите. Не жениха своего, а того, кто жениха в неизвестном направлении увез.

– Об этом я как-то не подумала, – призналась Нина. – Простите, Лев Иванович, поступок и правда глупый.

– Хорошо, что вы это поняли. Надеюсь, в дальнейшем, если вас вдруг посетит подобная идея, прежде чем ее осуществлять, вы обязательно посоветуетесь со мной. Договорились?

– Хорошо, – кивнула Нина.

– Вот и славно. А сейчас я вызову вам такси, – произнес Лев, доставая телефон.

– Не нужно, я доеду на метро. Не хочу садиться в машину к незнакомцу. – Нина слегка смутилась, но взгляд его выдержала.

– Дело ваше, – уступил он. – Пойдемте, я провожу вас до метро.

И снова ни тот, ни другая не заметили наблюдателя, который провожал их недобрый взглядом. Спускаясь в подземку, Гуров привычно обвел глазами площадь, даже на какой-то недолгий миг задержал взгляд на следившем за ними мужчине, но проскочил дальше. Мужчина ухмыльнулся, грязно выругался, наградив полковника нелестным эпитетом, и поки-

нул наблюдательный пост. «Якши! На сегодня хватит, иначе примелькаешься, – объявил он сам себе. – Шевели булками да не светись без нужды».

Опрос сотрудников автостанции Гурову пришлось в очередной раз отложить. В подземке Нине внезапно стало плохо, лицо ее покрылось испариной, в глазах потемнело, и он едва успел сориентироваться, чтобы вовремя подхватить ее на руки. Тут же налетели сердобольные «помощники», начали давать советы, подсовывать лекарства и требовать вызвать медиков. К счастью, в бестолково суетящейся толпе нашелся один настоящий врач. Он велел уложить Нину на скамью, ослабил ей ворот блузки, отер лицо и шею влажным платком и сунул какую-то таблетку под язык. После этих манипуляций она пришла в сознание, но посадить Нину в вагон Лев уже не решился. Пришлось доставить ее домой на машине.

Передав Фадееву на попечение соседей, он собрался заняться своими делами, но тут позвонил Валерка Жаворонков, сказал, что подготовил список владельцев «Фольксвагенов», следом проявился Крячко, и тоже с новостями. Так и вышло, что осмотр автостанции и опрос сотрудников отошел на второй план. Пока Гуров добирался до Петровки, Крячко успел разложить кандидатов в подозреваемые на четыре отдельные стопки.

По поездке в Сычево отчет получился сухим и коротким. Соседи Струбалина делами его не интересовались, а сам он

общался только с рыбаками, каковых среди дачников оказалось немного. До дачного домика на машине Струбалин доезжал нечасто. Оно и понятно, когда едешь на попутке, вряд ли тебе светит доставка до подъезда. Но Струбалина это не смущало. Пройтись пешком пару километров от шоссе несложно, а в хорошую погоду даже приятно. Сам Крячко охарактеризовал свою поездку пролетной и перешел к информации, добытой лейтенантом Жаворонковым.

– Списки просмотри. Вроде ничего не упустил, – пододвинул Стас напарнику четыре стопки с данными по владельцам «Фольксвагенов».

– По какому принципу формировал? – просматривая ближайшую стопку, поинтересовался Лев.

– Изучив материалы, выделил четыре категории, – начал Крячко. – В первую вычленил тех, у кого, так сказать, кристальная биография. Без судимостей, без приводов, без аварий и почти без штрафов. Их можно оставить напоследок, если уж все остальные окажутся нерезультативными.

– Не скажите, товарищ полковник. – Лейтенант Жаворонков на правах добытчика информации принял самое живое участие в обсуждении. – Вспомните дело елоховского маньяка. Уж такой он весь правильный-расправильный был, а в итоге вышло, что эта правильность ему мозг и продырявила.

– Ну, ты скажешь – маньяк. У елоховского психике триндец настал. Этот же просто паникер, – заявил Крячко.

– Хорош паникер, минимум двоих из строя вывел, – го-

рячился Жаворонков.

– Не факт, что двоих. Паранина твоего еще не нашли? Не нашли. Следовательно, считать его мертвым, а тем более убитым мы права не имеем. Это раз, – начал загибать пальцы Стас. – Насчет Струбалина тоже доказательства слабые. На кисти краска? Допустим, но как она появилась? И как связана с его смертью? Вопрос. Сама смерть, по сути, тоже не насильственная. Непредумышленное – это все, на что дело тянет.

– По версии следователя, рана на кисти очень даже взаимосвязана с событиями, спровоцировавшими смерть.

– По версии, мой друг, только по версии. А хочешь, я тебе другую версию обрисую? Твой Струбалин сел в «Фольксваген», в какой-то момент водитель решил, что попутчик ему не нужен, и потребовал, чтобы тот вышел из машины. Но Струбалин, привыкший ездить чуть ли не на халяву, такому предложению не обрадовался. Он вцепился в стойку у пассажирской двери и ни в какую не хотел отпускать водителя. Что тому оставалось? Только лупить дверцей по кисти, пока пальцы не разжались. Далее водитель уезжает, а у Струбалина наступает этот самый отек гортани. Может, он сам лекарства перепутал и выпил снотворное вместо антигистаминного. И медку хватанул уже после того, как из машины его вытурили. Или...

– Так вы до чего угодно договориться можете! – Жаворонков уже почти кричал. – Не может такого быть, товарищ пол-

ковник! Не может, и все! По-вашему, Струбалин идиот? Сам себя траванул, сам в канаву скатился. Просто так, для смеха.

– Брейк, господа, брейк! – решил вмешаться в спор Гуров. – Давайте не будем уходить от темы. Перед нами стоит конкретная задача: найти владельца автомобиля «Фольксваген» пятого поколения, цвета «серебристый металлик», с двухцветным бампером и сколом на левом заднем крыле. Вот этим мы и займемся, а решать, кто кого и когда отравил, будем после.

Стас охотно тему сменил. Жаворонков еще какое-то время бурчал себе под нос, раздосадованный скептицизмом Крячко, но вслух больше не высказывался. Гуров просмотрел первую группу и перешел ко второй. Здесь Крячко собрал владельцев авто с просроченной страховкой. Таких набралось немало. Стас успел проконсультироваться по этому вопросу с компетентными людьми. Они сообщили, что ничего удивительного в данном факте нет. Авто старые, пробег большой. У кого-то движок застучал, у кого-то коробка передач из строя вышла или другая беда машину ушатила. Такие экземпляры обычно продают на «донорские органы» для подобных авто, которые еще на ходу, а «донорам» страховка не нужна.

Третья группа получилась поинтереснее, но малочисленнее. Три авто с большим количеством штрафов. На них Крячко ставку делать не советовал. Если машина часто попадает в сводки ГИБДД, использовать ее с целью совершения

преступления как-то глупо. Эти деятели со своими машинешками гаишникам глаз намозолили, в любой базе в первых строках фильтруются. Риск оказаться пойманным слишком велик.

Четвертая группа состояла всего из двух человек, семидесятилетнего Владислава Худошина, ранее судимого за вымогательство с применением холодного оружия, и тридцатичетырехлетнего Леонида Зуба, также ранее судимого. Статья у Зуба криминальная, но не убойная.

Восемь лет назад Леонид Зуб решил поправить материальное положение за счет бывших коллег по работе. Самой работы он лишился за прогулы месяцев за шесть до совершения преступления. Обозлившись на весь мир, а может, банально из-за нехватки денег он похитил одного из коллег, вывез его в лес и силой заставил перевести на свой счет круглую сумму денег. Получив желаемое, Зуб не отпустил коллегу, а оставил в лесу, в заброшенном охотничьем домике. Сам же поехал за вторым коллегой.

С этим ему не так повезло. Мужик оказался тертый, на «сказки» Зуба не купился. Предложение заработать по-быстрому, которым Зуб заманил в лес первую жертву, показалось бывшему коллеге подозрительным. Как только Леонид его не уламывал: и адрес «шабашки» называл, и «заказчику» при нем звонил, используя для этой цели телефон одного из собутыльников, и даже деньги на счету, якобы за предыдущий калым заплаченные, показывал, все без толку.

В конце концов он совершил стратегическую ошибку, назвав имя первой жертвы в качестве гаранта законности предприятия. Это его и сгубило. Сообразительный коллега сложил два и два, получил отличные от зубовских «сказок» четыре и пошел в полицию. Зуба взяли по горячим следам. Первую жертву освободили, деньги со счета Зуба вернули, а на него завели уголовное дело. Прокурор просил по максимуму, но суд вынес свое решение: пять лет лишения свободы.

Свои пять лет Зуб отсидел, как говорится, от звонка до звонка и вышел на свободу около трех лет назад. За это время сменил с десятков рабочих мест, но задержаться где-то надолго так и не сумел. Сейчас числился временно безработным. Проживал Леонид Зуб в частном доме в небольшой деревушке Московской области. Чем жил последние шесть месяцев, еще предстояло узнать.

– Я так считаю, Лева: Худошина, хоть он и стар, как саксаул, со счетов не сбрасываем, вполне возможно, что он еще очень даже силен. С «бабками» голяк случился, он за старое и взялся, – заговорил Крячко, как только Гуров дочитал последний лист отчета.

– Согласен, Худошина навестить нужно, – поддержал Лев напарника. – Его я возьму на себя, а ты езжай к Зубу.

– С остальными что?

– Агейкина и Ярцева отправим проверять списки, – подумав, ответил Лев. – Пусть ищут «Фольксваген» со сколом и

двухцветным бампером. Пойдут подряд по списку, проверят всех без исключения. Работа нудная, времени займет много, вот пусть они нас от этой тягомотины и избавят.

– Годится, – повеселел Станислав.

– А мне что делать? – напомнил о себе Жаворонков.

– Тебе, Валера, достается самое сложное, – похлопал Лев лейтенанта по плечу.

– Я готов, – воодушевился тот, не почуяв подвоха.

– Вот и славно! – Крячко легко догадался, о чем идет речь, поэтому готовность Жаворонкова его развеселила.

– Что смешного? – обиделся Жаворонков. – Я действительно готов. Только скажите, что мне делать?

– А ты не понял? – веселился Крячко. – Эх, молодо-зелено. Тебе, Валера, придется ждать!

Жаворонков перевел недоверчивый взгляд на Гурова, но по его лицу понял, что именно об этом тот и вел речь. Настроение у лейтенанта тут же скатилось до нуля.

– Лев Иванович, позвольте мне хоть часть из списка проверить. Неужели думаете, что я хуже Агейкина с Ярцевым справлюсь?

– Пожалуй, не хуже, – согласился Гуров. – Ладно, Валера, бери себе первую группу. Проверишь «отличников», тем более что ты к ним доверия не испытываешь, значит, работу проведешь тщательно.

На этом и разошлись. Гуров проинструктировал помощников относительно рабочей задачи, и те, хоть и с неохотой,

отбыли выполнять повинность. Жаворонков уехал первым, за ним следом Крячко. Гурова задержал генерал, потребовав таки отчет, но через тридцать минут отбыл и он.

Глава 6

Худошина Лев нашел во дворе его дома. Седенький старичок сидел за столом под раскидистым вязом и, как простой обыватель, играл в шахматы с такими же, как он, старичками. У стола собралось человек шесть любителей интеллектуальных игр. Худошин занимал почетное место на самодельном деревянном кресле, больше похожем на трон. Его противник примостился на колченогом табурете, остальные пристроились, кто где сумел. Узнал его Гуров по многочисленным наколкам. На дряблой старческой коже тюремные наколки выглядели неуместно, вызывая ассоциации с линялыми простынями, которые нерадивая хозяйка без зазрения совести вывесила во дворе на всеобщее обозрение.

Здесь же неподалеку стоял и «Фольксваген». В отличие от своего хозяина, выглядел он почти как новенький. Серебристая краска, отполированная специальной мастикой, играла на солнце. Гуров обошел машину по кругу. Скола на крыле не увидел, бампера с двухцветной раскраской тоже. Его интерес к чужой машине не остался незамеченным. Не прошло и двух минут, как от стола для игры в шахматы прозвучал грубый окрик:

– Эй, мудила, какого возле моей машины трешься?

Кричал, разумеется, сам владелец. Лев оглянулся, приветственно махнул рукой, но на крик не ответил и к компании

присоединяться не торопился. Тогда старик остановил партию и сам заковылял к незнакомцу.

– Ну, и чем тебя моя колымага заинтересовала? – поравнявшись с ним, спросил он.

– Полковник Гуров, уголовный розыск, – негромко представился Лев.

– Я понял, что не институт благородных девиц. Чего надо, спрашиваю?

– Гражданин Худошин, верно?

– Если знаешь ответ, на хрена спрашиваешь? – Фразу Худошин приправил крепким словом, желая, как в былые времена, выглядеть крутым.

– Машина на ходу? – не обращая внимания на грубость, задал новый вопрос Лев.

– А ты как думаешь? – Худошин пристроился на капот, уперся руками в крышку и прищурился. – Никак покататься решил?

– Как давно выезжали на нем за город? – На провокации бывшего зэка Гуров реагировать не собирался. – Назовите точную дату.

– Не обязан! Ты мне не кум, чтобы я перед тобой отчет держал.

– Этот автомобиль проходит по ориентировке в связи с расследованием похищения человека, – чуть сгустил краски Гуров. – Могу дать делу официальный ход, прийти с ордером на обыск и задержание. Хотите провести пару-тройку дней

в СИЗО?

– Было бы не хреново воздухом камеры подышать, – мечтательно закатил глаза Худошин. – Давненько я к «куму» не ходил. Да только возраст уже не тот, верно, мент? Не от сырости, так от жрачки казенной загнусь. Так что давай без крайностей. «Фольсик» мой с полгода как не на ходу, свидетелей получишь с пару дюжин. Угонять его никто не угонял, вот и думай, стоит со мной заморачиваться?

– На вид машина в хорошем состоянии, – заметил Лев. – Почему не на ходу?

– Двигло подвело, – стукнул кулаком по капоту Худошин. – На тресе дотянули хорошие люди. А починить – «бабок» не хватает. Теперь либо на запчасти, либо сгниет здесь. А что вид ухоженный, так жалко тачку, вот и слежу. Считай, хобби такое.

– Сами где запчасти брали?

– Магазины есть уютные, – почему-то разоткровенничался бывший зэк. – Тамошний хозяин фанат немецкого автотрема, у него любой ремкомплект найти можно. В крайнем случае получишь под заказ, но чаще – в наличии. Из москвичей, кто за немецкой тачкой реально следит, каждый этот магазинчик знает.

– Адресом поделитесь?

– Легко. У станции метро «Тушинская», два квартала вниз, в высотке. Работает круглосуточно. В день наемные продавцы стоят, в ночь сам хозяин торговать выходит.

– Спасибо за помощь, – искренне поблагодарил Гуров.

– Кто бы мог подумать, что я ментам помогать стану, – задумчиво глядя под ноги, проговорил Худошин. – Видать, совсем старый стал.

– Будем считать, что этого не было, – улыбнулся Лев.

– Езжай уже! – махнул рукой Худошин и заковылял обратно к столу.

Гуров сел в машину и выехал со двора. Он еще не решил, стоит ли обращаться к владельцу автомагазина, но на заметку адрес взял. Тот факт, что располагался он в том же районе, откуда уехал Паранин, показался ему значимым. «Сегодня в Мякинино, потом и в магазин заскочить можно», – решил он. И снова его планам не суждено было сбыться. Два квартала не проехал, как зазвонил телефон. На связь вышел Крячко. Лев съехал на обочину, заглушил двигатель и только после этого ответил на звонок.

– Лева, бросай все! – Возбужденный голос рвал барабанные перепонки. – Похоже, мы нашли его!

– Спокойнее, Стас. Объясни, в чем дело и куда гнать.

– А вот это самое интересное. Угадай, куда переехал Леонид Зуб три месяца назад?

– Загадками не говори, знаешь же, я этого не люблю, – осадил его Гуров.

– Ладно, ворчун, слушай хорошие новости. Да не забудь потом, кто тебе их добыл, – сдался Крячко. – Приехал я в Мытищи, пошел на квартиру Зуба, а соседи мне и выдали:

уехал, говорят, ваш уголовничек. Квартиру продал и уехал. Три месяца как люди живем, ни пьянок, ни гулянок. Ну, я к участковому. Куда, мол, Леонида Зуба подевали. Он в базе покопался и на листочек мне адресок Зуба срисовал. Взял я его в руки и обалдел! В Локотне наш Зуб обосновался. Усе-каешь?

– Локотня – это же деревня, возле которой у Паранина дача, – задумчиво протянул Гуров. – Возможно, всего лишь совпадение. А может, и нет, проверять надо.

– Даже не начинай! – уловив настроение напарника, выпалил Крячко. – Таких совпадений не бывает, Лева. И ты не хуже моего это знаешь. Выбрасывай все сомнения из головы и дуи в Локотню. Я тоже туда еду. Лева, это удача, поверь мне. Машина, судимость, местность – все совпадает. Наш человек, точно тебе говорю.

Спорить Гуров не стал. К чему? Проверять все равно придется, так почему не сейчас? Он бросил телефон на пассажирское сиденье, снова завел двигатель, скорректировал направление и поехал в Локотню.

Душный подвал притягивал, как магнит. Как давно он вернулся со своей «прогулки»? Понять невозможно, солнечный свет сюда не пробивается, а внутренний счетчик времени здесь не работает. Время будто замирает. Нет, не замирает – растягивается и сжимается одновременно. Одна минута здесь длится как год, а час порой пролетает, словно мгнове-

ние. Отчего так выходит?

Он знал отчего. Мозги подгнили, вот отчего. По этой же причине он полдня проторчал на автостанции. Если бы не бабушка в темных очках и платке, он снова сделал бы то, чего делать не следует. Но бабушка спутала все карты. Зачем она туда приперлась? Одного из клиентов высматривала? Не может поверить, что ее, такую холеную кобылку, мужик может просто бортануть? Скорее всего. А что, если она высматривала его? Что, если она все знает?

Нет, не может этого быть. У такой тупой курицы мозгов не хватит вычислить его схему. Ни у кого мозгов не хватит, даже у того хлыща, что за ней прикатил. Кто он ей? Брат, друг, бывший любовник? Скорее всего брат, вон как заботливо в машину подпихивал. А она совсем сомлела. Еще бы! Столько времени на солнцепеке без глотка воды. Он следил, знает. Глаза у ее провожатого – огонь. Чуть-чуть его не зацепил. Если бы о бабушке не думал, наверняка засек бы. Хотя...

Мысли отвлек зуд в ладонях. Последнее время кожа чесалась все сильнее и чаще. Может, заразу какую-то подцепил от клиентов? Или в земле много возился. Пришлось в аптеке мазь купить, так зуд допек. Мазь помогала лишь на короткое время, потом все начиналось снова. Когда сидел в подвале, было терпимо, но там, наверху, этот зуд просто сводил с ума.

– Долго я так не выдержу, – объявил он вслух сам себе. – Надо что-то придумать. Срочно.

А что тут придумаешь, кроме проверенного способа? Но

сейчас выходить опасно. В Лотошине труп нашли, тот клиент все-таки «дал дуба». Зря он его выкинул, только внимание привлек. И как это он так просчитался? На вид мужик крепкий, без изъяна. Самое то для его нужд, и вдруг такое. Когда задыхаться начал, он еле сдержался. Инстинкт самосохранения, видать, сработал, иначе не сидеть ему сейчас в любимом подвале.

– Хорошо еще, крюк дал, подальше от дома увез. – Он снова заговорил вслух, общение с самим собой вошло уже в привычку. – Может, место новое найти? Переместиться на пару десятков километров, и все путем будет? Черт, делать что-то надо, скоро и эти посиделки не помогут. Что тогда? На дорогу выходить?

Нет, на дорогу он выходить не будет. Скорее сам себя покалечит, вон какие борозды от клинка на ладонях. Заживать еле успевают, а все потому, что клиент крепкий давно не попадался. Обмельчал нынче народ, одряхлел. И осторожный стал. Даже халява, и та не всегда срабатывает. Бояться за свою шкуру стали. А чего там беречь, у каждого второго жизнь беспонтовая. Тянут лямку, а зачем, для кого? Неизвестно.

Вот раньше была жизнь... Планы, намерения, цели, проекты... Мечты, желания, замыслы... И почти все успевали осуществить. И удовлетворение получали, жесткий кайф, легкий драйв, кому что приятнее. Сейчас не то. Люди жить стали как сосиски: либо в морозилке околевают, либо в ки-

пятке скручиваются. И то, и то – не круто. До недавнего времени и он так жил. Ел, спал, в огороде копался, с друзьями о бабах трепался. Вроде и живет, а кайфа нет. Потом все изменилось. В один момент.

Этот день он помнил до мельчайших подробностей. Специально в памяти воскрешал, чтобы снова и снова насладиться тем кайфом. И ведь насладился. Только кто знал, что на этот кайф, как на героин, с первой дозы подсаживаются? Он подсел, и подсел капитально. Сейчас бы остановиться, бросить, но как? Жить без этого уже совсем не вмоготу.

– А жить-то хочется. Теперь сильнее, чем прежде. Поэтому надо что-то придумать, пока до смерти себя не изрезал.

Последнюю фразу он произнес неспроста. Острый нож снова начал полосить по земляному полу, прочерчивая глубокие борозды. По спине побежали привычные мурашки, а это означало, что, пока до крови не дойдет, он уже не остановится.

– Да и хрен с ним! – Он подтянул лезвие ближе к костяшкам пальцев. – Две-три новые полоски не повредят. Зато зуд пройдет.

Почему-то на память пришел последний из клиентов. Рыбак, кажется. Ох он зануда! Час про рыбу да про наживку талдычил. Видел ведь, что ему на рыбу плевать, но все равно продолжал. Вена у него на шее билась так, что смотреть на нее было одновременно и сладко и муторно. Кровь по ней текла сильно, прерывисто. Три удара, резкая остановка, по-

том еще два удара, и снова остановка. А размер – корова позавидует. В палец толщиной.

Потом, когда задыхаться начал, она совсем взбесилась. Такое вытворяла, до сих пор перед глазами стоит. Он тогда за рулем сидел и все думал: каково это будет, если чиркнуть по вене самым кончиком его орудия? Фонтан или ручей? Почему-то он представлял себе фонтан. Густая теплая кровь брызжет вперед и вверх. Это и остановило, побоялся машину запачкать, а ведь знал, что по вене фонтана не должно быть. Знал, но в тот момент не вспомнил.

И хорошо, иначе не сидеть бы ему на земляном полу в душном подвале, не чертить острым лезвием по потной ладони. Кровь уже проступила. Маленькие капельки только-только начали стекаться в ручеек, а в голове зашумело. Что это? Дурнота для него – дело непривычное. Может, реакция на погоду? Жара стоит адская, а тут еще и влажность. Или что-то другое?

– Ладно, потом разберемся. Надо выбираться отсюда, пока окончательно не прихватило.

Он встал с земляного пола, отбросил в сторону орудие. Лезвие наполовину вошло в землю и зашаталось из стороны в сторону. Тошнота усилилась. Он поспешно отвернулся, прижал травмированную ладонь к животу и поспешил наверх. Там произвел привычную процедуру. Вымыл руку в ручной мойнике, залил перекисью. Доплелся до постели и рухнул прямо поверх одеяла.

Пару минут голова кружилась сильнее, чем с похмелья. Вертолетики не просто летали перед закрытыми глазами, они превратились в «Мессершмитты» и носились по кругу, вызывая позывы к рвоте. Тошноту он сдержал, постепенно ослабили и «Мессершмитты». Спустя полчаса он спал крепким сном, подложив, как младенец, ладони под щеку.

– Ты только подумай, Лева! Все сходится, понимаешь, все! Этот Зуб переехал в Локотню три месяца назад, а накурлесить успел, мама не горюй! Что ему стоит повернуть свою гнусную операцию, чуть изменив окончательный вариант? Да ничего не стоит. И фантазии применять не нужно.

– погоди, Стас, не кипятись! Косвенные улики – это еще не доказательства. И тот факт, что Зуб, выйдя из заключения, примерным мальчиком не стал, сам по себе ни о чем не говорит.

– Да как же не говорит, Лева! Очень даже говорит. Тебе просто по какой-то совершенно непонятной причине не хочется, чтобы маньяком был именно Зуб. А почему? Вот объясни мне! Нет, ты не отворачивайся, брови не хмурь, ты аргументы приводи, аргументы!

Спор между напарниками происходил посреди поля на пыльной дороге, ведущей к Локотне. К выезду они подъехали практически одновременно, правда, Крячко до этого успел сгонять в Локотню, отыскать дом Зуба и пообщаться с соседями. Те охотно просветили полковника насчет жи-

тъя-бытъя нового домовладельца, к тому же и телефоном участкового снабдили, чтобы Крячко мог получить подтверждение их словам из компетентных уст, что тот не преминул сделать. Усидеть на месте, имея на руках убойную информацию, он уже не мог и решил поехать навстречу другу.

Стас всего на несколько минут опередил напарника. Он остановился перевести дух и собраться с мыслями, когда на дороге показался автомобиль Гурова. И если Крячко чувствовал воодушевление и был на сто процентов уверен, что дело Струбалина сегодня же и завершится, то Гурову перспектива не виделась настолько радужной. Отсюда и вышел спор.

– Автомобиль Зуба мы еще не видели, – привел первый аргумент Лев. – Если приметы не совпадают, придется копать дальше.

– Говорю же тебе, Зуб этот – тот еще фрукт, только за последнюю неделю дважды обворовывал соседские огороды. Согласен, брал сущую ерунду, помидорчики-огурчики, но тащил-то их на базар! Это значит, что с деньгами у него совсем туго. А промышляет он чем? Чермет по деревням собирает и в пункты приема сдает. Это тебе ни о чем не говорит?

– У пьющих людей других занятий не бывает, только шабашки.

– Вот он и нашел себе новую шабашку, побогаче чермета. Он же по всей округе ездит, запросто мог и Паранина, и Струбалина подцепить. А вообще, я думаю, на автовокзал он

специально приезжал, чтобы попутчика побогаче поднять.

– И чем же он у них особо поживился? Деньги с карты Струбалина никто не снимал. С карты Паранина, кстати, тоже.

– Так ему, может, налички достаточно. С переводами и картами он в прошлый раз так попал, что больше связываться с ними не желает, вот тебе и ответ.

– Ради пары сотен человека похищать? Это до какой степени цинизма дойти нужно?

– До какой степени синевы, ты хотел спросить. А я тебе отвечу: соседи в один голос твердят, что пьет Зуб, не просыхая.

– Как же он на машине через все посты гоняет? Или он заговоренный, его дэпээсники не тормозят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.